

ИСКУССТВО ФРАНЦУЗСКОГО УБИЙСТВА

КОЛЛИН КЕМБРИДЖ

ЯДОВИТЫЙ детектив

Коллин Кембридж

Искусство французского убийства

«Издательство АСТ»

2023

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Coe)-44

Кембридж К.

Искусство французского убийства / К. Кембридж —
«Издательство АСТ», 2023 — (Ядовитый детектив)

ISBN 978-5-17-159242-4

Табита недавно приехала из Детройта к своему французскому дедушке, который живет в Париже. Послевоенный Париж – это город истории, романтики, потрясающей архитектуры и... еды. Благодаря своей подруге Джулии Табита учится готовить настоящие французские блюда. Все идет превосходно до одного холодного декабрьского дня, когда они возвращаются в дом Джулии и узнают, что в подвале обнаружено тело молодой женщины. Орудие убийства, найденное неподалеку, – нож с кухни Джулии. Подруги еще больше потрясены, когда узнают, что в кармане жертвы лежит записка, написанная рукой... Табиты. Теперь найти убийцу – дело чести, и Табита с головой погружается в расследование. Цепочка улик приводит ее в театральный гардероб. А вскоре девушка оказывается в смертельной опасности! Почему убийца охотится на нее? И какая тайна связана с обыкновенным театральным гардеробом?

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-159242-4

© Кембридж К., 2023

© Издательство АСТ, 2023

Содержание

Предисловие автора	6
Глава первая	7
Глава вторая	18
Глава третья	24
Глава четвертая	30
Глава пятая	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Коллин Кембридж

Искусство французского убийства

Colleen Cambridge

MASTERING THE ART OF FRENCH MURDER

© 2023 by Colleen Gleason

© Капустюк Ю., перевод, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2024

Предисловие автора

Хотя в 1949 году Джулия и Пол Чайлд, а также сестра Джулии Дор жили в Париже в двухуровневой квартире на Университетской улице, 81, Табита Найт, ее дедушки и описанные в данной книге трагические события являются художественным вымыслом, плодом воображения автора.

Глава первая

Париж, декабрь 1949

У Джулии Чайлд были проблемы с приготовлением майонеза.

Я знала об этом все, все мельчайшие подробности, потому что, во-первых, я была одной из ее самых близких подруг в Париже, а во-вторых... Не удивлюсь, если *все* в Седьмом округе, от Бурбонского дворца до Эйфелевой башни, были наслышаны о проблеме с майонезом. Такой уж была Джулия: общительной, энергичной, легкомысленной и полной энтузиазма.

И я очень ее любила – возможно, потому, что в чем-то мы были похожи, а в чем-то я *хотела* быть похожей на нее. Если бы я могла вытворять на кухне хоть половину того, что вытворяла она, или хотя бы треть!

Джулия уже несколько недель жаловалась на свою проблему с майонезом и с беспокойством думала о том, что это будет значить для меня. В конце концов, если у Джулии, которая брала уроки в «Лё Кордон Блё», вдруг возникли проблемы с приготовлением майонеза – соуса, который она на протяжении многих месяцев готовила с легкостью и совершенством, что это значило для *меня*, человека, который едва умел варить яйца?

Последствия казались зловещими.

– Я просто не понимаю, в чем дело! – в сердцах произнесла она, когда мы шли по Университетской улице, на которой мы обе жили. Укутавшись от лютого декабрьского холода, мы направлялись на рынок. Я несла корзинку с пучками свежего шалфея и розмарина из теплицы моего дедушки для нескольких продавцов, но я собиралась сделать и некоторые покупки. Я надеялась, что Джулия поможет мне выбрать подходящую курицу для запекания.

– У тебя всегда получался такой вкусный майонез! – с завистью произнесла я. Мне еще ни разу не удалось приготовить нормальный майонез. – Такой красивый, с изумительной кремовой текстурой! Поверить не могу, что у тебя не получается.

– Это необъяснимо, – согласилась Джулия. – Соус вдруг просто перестал меня слушаться! Яйца и масло не эмульгируются, сколько бы я их ни взбивала. Вчера вечером я хотела приготовить майонез с травами, чтобы добавить его в спагетти. Но соус растекался и так и не загустел. Я пробовала три раза, пока у меня не закончились яйца. Бедняге Полу пришлось есть спагетти с черным перцем, пармезаном и маслом, – добавила она и ласково хохотнула. – Он слушал, как я стучу, взбиваю, ругаюсь, и снова стучу, бряцаю, и наконец проголодался до такой степени, что ему уже было неважно, что есть.

Пол был мужем Джулии, и именно из-за его дипломатической работы в Информационном агентстве Соединенных Штатов Чайлды год назад переехали в Париж. По словам Джулии, первое же блюдо, которое она попробовала здесь, во Франции, переключило что-то у нее внутри, как будто внезапно щелкнул выключатель или загорелась лампочка. Никогда в жизни она не получала такого удовольствия от еды. О той первой порции *sole meunière*¹ она всегда говорила тихим, благоговейным тоном человека, входящего в церковь.

Как она впоследствии с восторгом рассказывала всем, кто был готов ее слушать, именно тот первый ужин, за которым последовало бесчисленное множество не менее восхитительных блюд, помог Джулии найти свое призвание, свою музу, свой *рай*: французскую кухню, ее историю и традиции. *Все* это стало ее новым миром. Выросшая на простых, унылых и однообраз-

¹ Соль меньер – классическое французское рыбное блюдо, состоящее из камбалы, предпочтительно цельной, или филе, которое обваливают в муке, обжаривают на сковороде в сливочном масле и подают с коричнево-сливочным соусом, петрушкой и лимоном (фр.) (здесь и далее прим. пер.).

ных американских блюдах, она, приехав во Францию и познакомившись с местной кухней, испытала то, что можно назвать великим, даже духовным пробуждением.

С тех пор Джулия наслаждалась *поглощением* блюд французской кухни, а затем, совсем недавно, поддавалась очарованию ее истории и стала учиться готовить.

Вот почему тайна майонеза так беспокоила и ее, и меня, поскольку последние несколько месяцев Джулия являлась моей наставницей и помогала мне совершенствовать свои кулинарные способности.

А что мне еще оставалось? Либо учиться готовить, либо сидеть с бабушкой и дядей Рафом на консервах, сыре, багете и вине.

Зато я хотя бы умела выбирать вино.

Прошлой весной, прямо перед Пасхой, я переехала в «город света» из пригорода Детройта, но совсем по иной причине, чем супруги Чайлд.

Недавно я разорвала четырехлетнюю помолвку с Генри Маккинном, и мне вот-вот должно было исполниться двадцать девять лет. С тех пор как закончилась война и все солдаты вернулись домой и занялись работой, которую мы, женщины, выполняли, пока мужчин не было дома, я ощущала внутреннее беспокойство и порой не находила себе места. А тут еще в январе после продолжительной болезни умерла моя бабушка-француженка, которая помогла растить меня в Штатах.

После этого меня позвали жить к моему дедушке, в Париж.

Моя мама, которую я очень люблю и с которой мы довольно хорошо ладим, учитывая то, насколько мы разные, убедила меня поехать в Париж и остаться там так долго, как мне захочется.

Возможно, она не меньше меня устала от моей хандры и скуки. Я знаю, что мои сестры не могли дожидаться, когда я выпорхну из гнезда, но полагаю, это потому, что они боролись за мою спальню.

Во время войны я направила всю свою энергию на работу на заводе по производству бомбардировщиков в Уиллоу-Ран, в том числе В-24 Liberator. Я даже научилась работать с их двигателями. Я всегда была немного сорванцом, к ужасу моих женственных француженок, мамы и бабушки. И хотя в сумочке я носила губную помаду и расческу, в кармане у меня всегда лежал многофункциональный швейцарский нож.

Мне нравилось возиться с механизмами и двигателями; мне всегда было любопытно, как устроены машины и люди – отчасти поэтому мы с Джулией так сдружились. Однажды прошлым летом, когда мы столкнулись на рынке, она упомянула, что у них барахлит радио.

Разумеется, у меня был при себе мой армейский чудо-нож, поэтому я предложила ей свою помощь. Она была безумно благодарна, когда я починила им радио, а после того, как я отказалась принять какую-либо плату за работу, она настояла, чтобы я осталась на ужин. Такой вкусной домашней еды я еще никогда не ела, и тогда я поняла, что *мне* нужно научиться готовить. Если я в состоянии починить двигатель самолета, то и курицу смогу зажарить. Вряд ли это такая уж сложная наука.

Хотя нет, это сложная наука.

Тот факт, что мы с Джулией жили в одном квартале и обе недавно переехали в Париж из Штатов, способствовал тому, чтобы наша дружба состоялась.

С тем, чтобы завести новых друзей, у Джулии Чайлд проблем не было; напротив, я была менее общительной, чем моя энергичная и шумная подруга. И поскольку в то время я в Париже не знала никого, кроме моего дедушки и дяди Рафа, мне было приятно познакомиться с Джулией, ее мужем Полом и младшей сестрой Дороти, которая приехала к ним жить несколько месяцев назад.

– Я беспокоюсь, что это предвестник того, что потом будет еще хуже! – восклицала в своей драматической манере Джулия, пока мы шли по извилистой дорожке от Бурбонского

дворца к рынку. – Вдруг коржи для пирога не получатся слоенными? Или глазурь на торте начнет растекаться? А что, если мои суфле падут, как Римская империя? Что я буду *делать*? Кулинария – моя *жизнь*!

– Может быть, тебе стоит начать с самого начала, – предложила я, глядя на нее снизу вверх. Джулия была крепкой и высоченной, почти сто девяносто сантиметров, а я всего сто шестьдесят пять. Мое худощавое телосложение и невысокий рост всегда вызывали шквал комментариев, когда я упоминала, что работала на заводе по производству самолетов, хотя я и не понимаю, почему. Мне ведь не нужно было их *поднимать* или таскать. – Когда я хочу выяснить, что именно не работает, я разбираю весь механизм на части и проверяю по очереди каждую деталь. Убедившись в том, что каждая деталь работает должным образом и не повреждена, я собираю механизм обратно. Может, и тебе так попробовать?

– А что, в этом есть смысл, Табита! – сказала Джулия, резко остановившись на тротуаре. Она говорила так, словно я только что вручила ей ключ к бессмертию. – Именно этому нас учил в «Лё Кордон Блё» шеф-повар Буньяр – начинать с самого начала и осваивать каждый шаг, прежде чем двигаться дальше. Так я и сделаю. Я вернусь к самым основам приготовления майонеза. Я буду делать заметки. Буду экспериментировать. Я буду делать порцию за порцией майонеза, пока не выясню, что не так, и не исправлю это!

– Главное не забыть кое о чем, – заметила я, когда в поле зрения появился рынок на улице де Бургонь.

– О чем же? – нахмурившись, спросила она.

– Тебе понадобится гораздо больше яиц.

Мы обе громко расхохотались и, шатаясь, как пьяные, побрели по улице.

* * *

Во время войны парижане жаловались в первую очередь на немецкую оккупацию, потом на невыносимый, пронизывающий до костей холод, а *лишь потом* на отсутствие еды. Тот факт, что для людей, привыкших к хорошей кухне, отсутствие еды стало меньшим испытанием, чем холод, свидетельствует о жестокости зимы в «городе света».

Недавно я убедилась в правильности этого мнения. Весна, лето и осень в Париже были великолепны, и я влюбилась в этот город. Я исследовала улицы пешком или на велосипеде и не могла *насытиться*: ароматами, достопримечательностями, вкусной едой и прекрасными красочными парками, которые веками вдохновляли художников.

Но с наступлением зимы мы чувства к Парижу слегка поостыли (какой удачный каламбур).

Несмотря на холодный декабрь, мне нравилось, что по улицам Парижа так легко передвигаться пешком или на велосипеде. Мне нравились и люди, и ароматы, и даже неприятные запахи казались мне чудесными лишь потому, что они были *парижскими*. Мне нравились широкие бульвары и великолепные кирпичные здания медового или кремового оттенка, построенные бароном Османом сто лет назад.

Парижане жаловались на большое количество машин, заполонивших их улицы в связи с наплывом американских туристов, но я себя туристкой не считала. В конце концов, я же наполовину француженка! Я – *часть* этого места.

Повсюду были кошки, столько кошек, что они казались такой же неотъемлемой частью города, как знаменитые огни и Эйфелева башня, возвышавшаяся всего в нескольких кварталах от Университетской улицы.

И конечно же, всюду была еда, приготовленная кем-то другим, и вино!

Все просто: Париж – это *рай*.

Рынок на улице де Бургонь был ближайшим к кварталу, где жили мы с Джулией. Я с интересом обнаружила, что, делая покупки на парижском рынке, вы автоматически знакомитесь со всеми владельцами магазинов и продавцами. Другого выхода просто нет. Все дружелюбны и затягивают вас в свои сплетни и болтовню.

Совсем другое дело в Штатах: там человек несется как сумасшедший в продуктовый магазин, хватая все, что ему необходимо, мгновенно проходит очередь в кассу и не сбавляя темпа мчится домой. «Наш» же рынок был маленьким сообществом, и именно здесь я познакомилась со своими соседями, включая Джулию, и узнала о всевозможных интересных продуктах и о том, где их лучше покупать.

А вот приготовление блюд из моих покупок – которые я всегда совершала с величайшим удовольствием – совсем другое дело. Я уже не помню, сколько раз портила курицу или пережаривала жаркое.

Несмотря на то, что я француженка, ни моя мама, ни бабушка не увлекались готовкой, а если и готовили, то незамысловатые американские блюда, потому что такая пища нравилась моему отцу – и потому что так готовила *его* мать. Поэтому я выросла на той же еде, что и Джулия: обычная скучная яичная лапша или макароны из коробки, говяжье жаркое с жидким безвкусным соусом, пересушенные жареные цыплята, картофель с картофелем поверх *картофеля*, много кукурузы и зеленой фасоли. Тонко нарезанный белый хлеб в полиэтиленовом пакете; хлеб, который был таким пористым, что весь кусочек, с коркой и всем остальным, можно было сплющить в шарик размером с вишню. И конечно же жареная свинина. На шикарных званых вечерах в нашем мире часто подавали ломтики жареной свинины, увенчанные кусочками ананаса. Соусами служил густой суп из банок «Кэмпбелл», который выливали на мясо или картофель.

Кофе, который я пила, – это разбавленный кипятком «Фолджерс», и я любила рассказывать Джулии, что момент чувственного просветления наступил у меня с первой чашкой французского *café*.

К сожалению, в конце тысяча девятьсот сорок девятого года кофе оставался единственным продуктом питания, который все еще продавался по карточкам, поэтому я не мог баловать себя в кафе так часто, как мне бы хотелось. Тем не менее мой дедушка умудрялся хранить дома более чем достаточный запас кофе. Я подумала, что лучше не задавать слишком много вопросов на эту тему, хотя все открыто говорили о черном рынке.

– *Bonjour*, мадам Мари! – радостно произнесла Джулия, когда мы остановились посмотреть на лук-шалот и репчатый лук, предлагаемые морщинистой круглолицей продавщицей овощей.

– *Bonjour*, мадам Чайлд, – ответила пожилая торговка, закутанная в теплое пальто и шерстяное одеяло. В маленькой металлической кастрюльке горел огонек, чтобы она могла согреть свои узловатые руки. – *Bonjour*, мадемуазель Найт. Как поживаете в это холодное утро четверга?

– *Bonjour*, мадам, – ответила я. – Я чувствую себя отлично, за исключением того, что у меня околели нос и пальцы на ногах! – Для пущей убедительности я плотнее закуталась в шерстяной шарф и спрятала нос в его теплых складках.

Благодаря маме и бабушке мой французский был безупречен, но Джулия выучила этот язык только после переезда сюда. Она до сих пор испытывала трудности, когда люди говорили слишком быстро или перебивали друг друга. Я много раз сидела за столом в ее крошечной кухне на третьем этаже и практиковала с ней французский, уплетая приготовленную ею вкусную еду. Это были взаимовыгодные отношения.

Благодаря этим посиделкам я начала обучать французскому языку детей и жен американских дипломатов. По инициативе Джулии Пол Чайлд с энтузиазмом предложил мои услуги нескольким своим коллегам в посольстве США.

Мне повезло, и у меня появились четыре американских студента и один француз (последнему я помогала с английским), а это означало, что я проводила по одному уроку в день, обычно утром. Нагрузка была небольшая, и было довольно скучно. Естественно, я взяла бы больше студентов, если бы представилась такая возможность. Но на данный момент это занятие приносило мне достаточно денег, чтобы покупать себе в магазинах на Елисейских Полях стильные туфли и шляпки, от которых я никак не могла отказаться. Хотя мне и нравилось лазать по деревьям и разбирать радиоприемники, я унаследовала любовь мамы и бабушки к красивой одежде и модным аксессуарам.

В то время как Джулия тратила деньги на кухонную утварь – кастрюли, сковородки, ножи и множество других предметов, о предназначении которых я даже не догадывалась, я тратилась на обувь, шляпки, сумочки и потрясающие платья. Я оправдывала эти расходы тем, что дедушка и слышать не хотел о том, чтобы я платила за свою комнату или вносила свою лепту в расходы на питание в нашем доме на Университетской улице.

Пока Джулия копалась в корзинке с луком-шалотом, я протянула свои замерзшие в перчатках руки к огню маленького очага мадам Мари. Эта приземистая продавщица была известна как Мари-Четыре-Сезона, потому что у нее всегда были лучшие продукты на любой сезон.

Пока я не познакомилась с Мари-Четыре-Сезона, я не глядя хватала из корзины картошку или первый попавшийся кабачок, и даже – *quelle horreur!*² – покупала редиску уже по окончании сезона, увядшую, сухую и безвкусную. Но в самый первый раз, когда я зашла на этот рынок, Джулия и мадам Мари взяли меня под свое крыло и наставили на путь истинный.

Как-то так получилось, что они обе сунули носы в мою сумку, чтобы посмотреть, что я выбрала в *другом* продуктовом киоске, которым владел месье Бланш.

– Нет-нет-нет-нет! – воскликнула мадам, увидев сморщенную редиску с увядшей ботвой. – Нет, мадемуазель, такое нельзя подавать! – Не успела я среагировать, как она схватила невзрачные овощи и швырнула их на землю, бросив свирепый взгляд в сторону тележки месье Бланша. – Никому! Даже уличной собаке!

– Но это всего лишь редиска, – возразила я, с трудом сдерживая смех. Судя по всему, это была очень серьезная ситуация, раз старушка так возмущалась.

– Я тоже думала, что это просто редиска, – искренне произнесла Джулия. В то время она говорила на медленном французском, но я легко ее понимала. – Пока мадам не завершила меня в обратном!

– Вы никогда не найдете себе мужчину, если будете подавать ему сморщенную редиску или увядшую зелень, мадемуазель! – Мадам подсунула мне три своих редиски, и я была вынуждена признать, что выглядят гораздо лучше тех, что она швырнула на землю.

– Да, это верно, – заразительно смеясь, согласилась Джулия. – Мужчинам не нравится, когда им напоминают о чем-то увядающем, морщинистом или обвисшем!

Меня так поразил ее комментарий, особенно в присутствии пожилой женщины, что я разразилась смехом, наполненным и ужасом, и умилением.

Но мадам Мари глубокомысленно кивнула и похлопала меня по ладони.

– *Oui, oui*³, – сказала она. – Мадам Чайдл, – фамилию Джулии она произносила как «Шеельд», – знает, что говорит, *non*?⁴ Мужчинам нравятся длинные, прямые и очень, очень твердые продукты, потому что они напоминают им о том, какие они есть – или какими хотят быть.

Я рассмеялась еще громче, но мне не хватило духу сказать им, что мне вполне хватает двух мужчин, которые сейчас присутствуют в моей жизни и каждый из которых старше меня на

² Вот ужас! (фр.)

³ Да, да. (фр.)

⁴ Не так ли? (фр.)

несколько десятилетий. Кроме того, мне и так стоило огромного труда готовить для дедушки и дяди Рафа.

И все же, возможно, они оценили бы хрустящую и твердую редиску и не стали бы размазывать по тарелке блюдо, которое я для них приготовила.

Инцидент с редиской, если вдуматься, не только познакомил меня с Джулией Чайлд и мадам Мари, но и положил начало общерыночной инициативе: найти мне, Табите Найт, мужчину, хотела я того или нет.

Я ничуть не сокрушалась о нашем разрыве с Генри. Порвать помолвку было моим решением, я и так с ним слишком затянула. Кто был потрясен, так это моя мама. Думаю, она с нетерпением ждала, когда я, наконец, уеду из дома.

Война изменила и Генри, и меня, как и почти всех, кого я знала. Хотя мы встречались с двадцати двух лет и все предполагали, что мы поженимся (не исключено, что поэтому мне потребовалось так много времени, чтобы расстаться), мне становилось дурно при мысли, что я свяжу себя узами брака, остепенюсь, стану растить детей и работать учительницей. От этого веяло *скукой* и безнадежностью, как от опавшего суфле, особенно после моей работы в стиле Клепальщицы Роузи во время войны.

Когда все закончилось и мы остались хорошими друзьями, Генри наверняка испытал такое же облегчение, что и я. Так все и началось: мы были учениками на кафедре химии в Мичиганском университете. Когда я решила испортить стол нашего преподавателя уксусом и пищевой содой за то, что он поставил нам четверку, хотя мы явно заслуживали пятерки, Генри меня прикрыл.

А через две недели его призвали в армию.

И вот сегодня, когда мадам Мари спросила, как у меня дела, на самом деле она спрашивала, ходила ли я на свидания и встречалась ли с интересными мужчинами. Поэтому я нырнула под свой шарф и притворилась, что не понимаю, что она имеет в виду. Тем не менее продавщица овощей окинула меня понимающим взглядом.

– Для вас сегодня не будет сморщенной редьки или картошки, *non*, мадемуазель? – спросила она с огоньком в глазах.

– Нет, пожалуй, я возьму немного лука-шалота, – ответила я.

Джулия достала из корзины три луковицы и протянула их мне. Плотные, они буквально распирала свою рыжую кожицу, и я заметила, что паутинистые корешки на закругленных кончиках еще гибкие и влажные.

– Как насчет этих, Таб? О, у Табиты вчера вечером было свидание, – сказала она мадам, и мне захотелось ее пнуть.

Джулию, а не мадам Мари.

– О, так вы ходили на свидание? Правда? – Продавщица с интересом смотрела на меня.

– Это было не свидание. – Я бросила на Джулию мрачный взгляд. Она лишь рассмеялась и принялась рыться в корзине с красной картошкой. – Я тебя убью, – пробормотала я ей по-английски.

– Это было свидание *вслепую*, – весело произнесла Джулия, очевидно, не обеспокоенная моей пустой угрозой. – Дор ее подставила.

Дор – прозвище сестры Джулии. Мне показалось забавным, что оно звучит почти так же, как шоссе к северу от Детройта, недалеко от того места, где я жила, когда работала на заводе по производству бомбардировщиков.

– О, она действительно сходила на свидание? – Мадам была очень заинтересована. – Эта молодая женщина, Дороти, она очень высокая – даже выше вас, мадам Чайлд, и поэтому ей нужен высокий и крепкий мужчина, *non*?

Мне нравилось говорить о том, каким будет будущий муж Дор, а не мой, и я охотно следовала за ходом ее мысли.

– Хороший рост означает, что он уверен в себе и не побоится выйти в люди с высокой женщиной. Естественно, не выше себя. – Я улыбнулась Джулии: ее муж Пол был на десяток сантиметров ниже ее, и они безумно друг друга любили. Он обожал ее, а она – его, и хотя найти мужчину я не стремилась, их отношениям я слегка завидовала. Вероятно, это было одной из причин, по которой Джулия была полна решимости меня пристроить.

– Не увиливай от темы, Табс, – усмехнулась Джулия. – Ты избегала говорить об этом на протяжении всего нашего пути сюда, так что теперь ты просто обязана посвятить и мадам Мари, и меня во все подробности.

Я вздохнула. Лучше ответить на все вопросы сейчас, а не когда мы пойдем дальше по рынку и Джулия станет привлекать всех остальных к обсуждению моей несуществующей личной жизни.

– Итак, мадемуазель, вы расскажете мне об этом свидании вслепую, – потребовала продавщица овощей, и это было утверждение, а не вопрос.

– Вчера вечером Дор пригласила в дом Джулии нескольких своих друзей, и она позвала меня, чтобы я познакомилась с одним из мужчин из театра, в котором она работает, – объяснила я. – Вот и все.

Дор работала в офисе в коммерческом отделе Американского театра, который выступал на сцене Театра Монсо. У нее появилось много друзей как на сцене, так и вне ее, и большинство из них были американцами. После спектакля они часто заходили в квартиру Джулии и Пола и нередко засиживались до самого утра.

По словам Джулии, она и Пол *не слишком* возражали против таких посиделок, за исключением того, что молодые люди употребляли много спиртного. А шум мешал пожилой паре вовремя засыпать. Пол больше ворчал по этому поводу, чем его жена и взял с Джулии обещание поговорить об этом с Дор, тем более, что вчерашняя вечеринка было уже третьей на этой неделе.

– Ну и как, вы с этим мужчиной познакомились? – Мадам не собиралась оставлять эту тему. Рыночные сплетни были одной из составляющих их интереса к жизни ее и остальных продавцов.

– Да, познакомилась. Он оказался очень милым, – ответила я.

Это было правдой. Марк Джастис из Бостона, которому представила меня Дор, был милым, симпатичным и внимательным. Мы немного поговорили за бокалом виски и вина. Но он не пробудил во мне той искры, которую хочется ощутить при встрече с потенциальным партнером. По правде говоря, я не думала, что меня заинтересует американец, раз уж я переехала в Париж. Американские мужчины выглядели на фоне французов какими-то блеклыми.

– О, кстати, Джулия, я кое-что вспомнила! Возможно, я забыла у тебя дома свои перчатки.

– Я их не видела, но давай зайдём ко мне на обратном пути и проверим.

– Отлично. А теперь, – произнесла я, резко меняя тему, – мне нужно купить картофель, чтобы приготовить дедушке и дяде обед. У вас найдется что-нибудь подходящее, мадам Мари?

Старуха рассмеялась хриплым от курения смехом, и ее глаза весело сверкнули. Она поняла, что на этом разговоры о мужчинах закончены.

– Как вы знаете, мой картофель – лучший в Париже. И что же вы собираетесь приготовить сегодня вечером, мадемуазель?

– Я хотела бы зажарить курицу, – призналась я. Это было одно из немногих блюд, которое, как мне казалось, я начала неплохо готовить, и одно из нескольких блюд, которые дедушка и дядя Раф действительно съели. Как жаль, что их экономка-кухарка уехала присматривать за своей матерью вскоре после моего приезда в Париж!

– Ах, *bien*⁵. А для *poulet rôti*⁶ вам понадобится немного моркови, *non*, мадемуазель? – уточнила Мари с блеском в глазах и указала на свою корзину с морковью.

К этому времени старушка меня уже хорошо натренировала, поэтому я внимательно осмотрела длинные корнеплоды.

– Сейчас конец сезона, так что внутри морковь жесткая и твердая, – медленно произнесла я и искоса взглянула на Джулию, которая ободряюще кивнула. – Мне придется удалить сердцевины, не так ли?

– *Oui*⁷, зато вы оставите внешнюю часть, *rouges des carottes*, и она будет сладкой и хрустящей, – согласилась Мари.

– Да, конечно.

– Какая репа у вас есть? – вмешалась Джулия. – О, Табита, ты сделаешь пюре из чеснока, репы и картофеля. О, боги, подлива к курице будет *великолепна*! – Ее глаза загорелись, и я догадалась, что она представляет себе всю эту красоту: кружочки масла, мерцающие на поверхности посыпанной травами подливки... по крайней мере, так было бы, если бы ее приготовила *она*.

При этой мысли у меня слюнки потекли. Вот бы я могла позволить себе нанять Джулию Чайлд, чтобы она готовила для нас каждый вечер!

– О, я не уверена, что у меня получится, – с грустью произнесла я.

– О, нет-нет! Пюре из репы – это легко! – возразила Джулия, и обе женщины принялись обсуждать мое меню. У меня не хватило духу сказать им, что будет не блюдо, а сплошное разочарование.

– *Oui*, пюре из репы и картофеля было бы *magnifique*⁸. А розмарин и тимьян вы возьмете свежими, из теплицы вашего дедушки, *non*? – Мари уже начала копать в другой корзинке в поисках подходящей репы. – И шалфей, – добавила она не терпящим возражений тоном.

– Да. Я принесла немного для вас, мадам, и для тебя, Джулия. – Я указала на пучки трав в моей сумке.

– О, *merci*! – Мадам Мари обрадовалась и с благодарностью взяла предложенные мной травы. Я не знала, воспользуется она ими сама или продаст, но для меня это не имело значения.

Теперь, когда тема моей личной жизни была закрыта, мы втроем поболтали еще несколько минут, в основном о других продавцах и жителях района. Все друг друга знали, потому что они или чаще всего их служанки посещали рынок едва ли не каждый день.

– *Pauvre*⁹ мадемуазель Кларисса так рыдала сегодня утром, – сообщила Мари, когда я укладывала свои покупки в большую матерчатую сумку.

– О, нет! А из-за чего, неизвестно? – осведомилась Джулия.

Кларисса была горничной, или *femme de ménage*, у богатой пары, которая жила по соседству. Молодая женщина обладала жизнерадостным характером и всегда была очень вежлива, хотя и слегка сдержанна в разговорах с нами, соседями или продавцами. Кларисса носила мрачную темную одежду, но на ней всегда были новые модные туфли – любопытная деталь, на которую я обратила внимание еще в самом начале. Я не выдержала и спросила ее об этом.

Она объяснила, что ее сестра работает в мастерской по изготовлению обуви на заказ и передает ей все туфли, которые получились с дефектами или не соответствуют требованиям заказчика. Я в шутку сказала ей, что если в продаже появятся некачественные туфли тридцать шестого размера, я с благодарностью приму их из рук ее сестры, а Джулия добавила, что она

⁵ Хорошо (*фр.*).

⁶ Жареный цыпленок (*фр.*).

⁷ Да (*фр.*).

⁸ Великолепно (*фр.*).

⁹ Бедная (*фр.*).

уверена, что для женщин с *сорок вторым* размером ноги у них вряд ли что-то найдется. Мы от души посмеялись втроем, и однажды, вскоре после этого, Кларисса действительно принесла мне пару элегантных туфель «Мэри Джейнс» от *Godot & Block*. Заказчик забраковал их из-за крошечной зазубрины на одной стороне ботинка. Я их очень *полюбила*.

– О, *oui*, – произнесла Мари, как будто это само собой разумеется, что она была в курсе всех деталей жизни жителей района. – Кларисса расстроилась из-за того, что собака ее хозяйки сбежала прошлой ночью и они не могут ее найти.

– О, нет! – воскликнула Джулия. – Это ужасно. Надеюсь, они скоро ее найдут! Сейчас так холодно и промозгло. Даже страшно представить, если бы что-то подобное случилось с нашей крошкой Минетт¹⁰. – Она говорила о кошке, которую они с Полом приютили.

Я много раз видела, как Кларисса выгуливала по рыночной площади питомца своей хозяйки. До приезда в Париж я никогда не видела собак, одетых в зимнее пальто или свитер, но потом я познакомилась с песиком дядюшки Рафа по кличке Оскар Уайльд, у которого был целый гардероб модной собачьей одежды.

Поэтому я не удивилась, увидев, что у мадам Флуф, четвероногой подопечной Клариссы, казалось, бесконечное количество собачьих нарядов. Мадам Флуф была пуделем среднего размера цвета шампанского, с голубым ошейником со сверкающими камнями. Я не знала, настоящие это камни или подделка, но хозяйка Клариссы выглядела достаточно богатой, так что это могли быть настоящие драгоценности.

– *Oui*, – кивнула Мари, убирая монеты, которые Джулия положила на маленький грубый столик, использовавшийся продавщицей в качестве прилавка. – Бедная Кларисса. А вы видели, что Марсель сам соорудил новую крышу для своего ларька?

– Нет, не видела, – ответила Джулия, с улыбкой протягивая руки к котелку с огнем. – Мы еще не были на том конце рынка.

– А все потому, мадам Мари, что сначала мы обратились к вам, поскольку у вас все новости, *а также* лучшие овощи на улице де Бургонь! Но теперь нам пора. Джулии нужно больше яиц, – с усмешкой пояснила я. – И мои пальцы на ногах уже превратились в сосульки!

– Значит, приготовление майонеза все еще доставляет вам проблемы, мадам? – вскинув бровь, спросила продавщица овощей. – Ах, ах, какой позор. А что, если мадемуазель Табита поможет вам решить эту проблему, а?

Мы все от души посмеялись над этим нарочито нелепым предложением и распрощались. К тому времени, как мы прошли через рынок к тележке Фиделии с яйцами, моя сумка отяжелела от бутылки «Бордо-Медок» и курицы, которую Джулия помогла мне выбрать из того, что она назвала *mesdames gras poulardes*¹¹.

– Мадам курочка получится *magnifique*!¹² – заверила меня Джулия, когда я убирала курицу в сумку.

Я была не настолько уверена в себе. В последний раз, когда я пыталась зажарить курицу, а перед этим опалить остатки перьев на ее шероховатой коже, она загорелась. Я держала ту самую *madame poulet*¹³ над газовой плитой, и чертова курица вспыхнула. В результате у нас получилась курица, черная с одной стороны и недожаренная с другой. Я до сих пор не понимаю, как это произошло.

– Ах, мадам, как дела с майонезом? – поинтересовалась у Джулии Фиделия после того, как поприветствовала нас обеих.

¹⁰ Minette (фр.) – кошечка, киска.

¹¹ Жирные дамы-курочки (фр.).

¹² Восхитительный (фр.).

¹³ Мадам курочка (фр.).

Казалось, в Седьмом округе не осталось человека, который бы не знал о проблемах Джулии с майонезом. Возможно, новость долетела даже до Монпарнаса и остальной части Левого берега.

– Я вернулась за яйцами, – со страдальческой улыбкой ответила Джулия и драматично пожала плечами. – Так что догадайтесь сами!

– Ах, мадам, я так сожалею. Но я совсем не сожалею о том, что продам вам еще больше моих яиц! – улыбнулась Фиделия, глядя на нас обеих. Миниатюрная, похожая на птичку женщина хлопотала над яйцами так, словно сама их снесла. Каждое яйцо было тщательно вымыто, помечено карандашом с указанием даты и разложено по корзинкам красивыми гроздьями, напоминающими цветы.

Я осмотрела яйца, цвет которых варьировался от бледно-зеленого до желтовато-коричневого, кремового и светло-ржавого с крапинками, и выбрала себе несколько штук. Омлет у меня получался вполне съедобным, но дядюшка Раф выразил желание съесть по утрам сваренное вкрутую яйцо. Эта задача вызывала у меня беспокойство.

– Как ты думаешь, цвет скорлупы имеет значение? – вдруг спросила Джулия, показывая мне бледно-зеленое яйцо.

– Для майонеза? – уточнила я и нахмурилась. Я не понимала, какое это могло иметь значение, но кто я такая, чтобы что-то утверждать?

– О, возможно, мадам, – подмигнула мне Фиделия. – И поэтому попробуйте купить все яйца одного цвета. Чтобы не перепутать их при приготовлении соуса.

Джулия принялась сосредоточенно выбирать еще несколько зеленоватых яиц.

– Я подойду к этому как ученый, Табс. Я стану *средневековым алхимиком* на кухне! Шерлоком Холмсом в приготовлении пищи и буду *учитывать каждую деталь*!

– Вы слышали о собаке хозяйки бедной Клариссы? – спросила Фиделия, аккуратно заворачивая выбранные нами яйца в газету и укладывая их в картонные коробки. Несмотря на толстые варежки, ее пальцы двигались очень ловко.

– Мадам Мари нам рассказала, – ответила я, доставая деньги. – Это так очень печально.

– Надеюсь, они скоро ее найдут, – произнесла Фиделия. – Кларисса сегодня дважды приходила на рынок, искала собачку и спрашивала, не видел ли кто мадам Флуф. Она сказала, что искала и звала ее всю ночь.

– Какая трагедия для нее и ее хозяйки, – посочувствовала Джулия. – А бедная мадам Флуф оказалась на улице в такой ужасный мороз! Вот бы сегодня ночью не было ни снега, ни льда.

– Я внесла для нее пожертвование в церкви Святой Клотильды. – Фиделия бросила взгляд в сторону церкви, готические шпили-близнецы которой торчали из-за крыши на противоположной стороне улицы.

– Как благородно с вашей стороны, – искренне заметила я. Пока я не переехала к бабушке и дяде Рафу, я не понимала, как много может значить для человека домашнее животное. Моя мать отказывалась заводить в доме какого бы то ни было питомца – кошку, собаку, кролика, черепаху или даже золотую рыбку, а мой папа благоразумно решил с ней не спорить.

– А вы слышали о месье Перу? – спросила Фиделия, захлопывая крышку картонной коробки.

– Нет, а в чем дело? – Джулия вся обратилась в слух. Как, впрочем, и я.

– Жена застучала его с любовницей и вылила все его вино в сточную канаву! – объяснила Фиделия. В ее блестящих маленьких глазках светились веселье и ужас.

– О, нет! – воскликнула я, подумав об этом прекрасном вине, *зря потраченном, вылитом* в обледеневшие водосточные желоба. Месье Перу на всю округу славился драгоценной коллекцией вин, часть которой ему удалось спрятать от немцев во время оккупации. – Неужели никто не мог ее остановить и спасти хоть что-то?

Фиделия звонко рассмеялась:

– Я уверена, что месье Перу пытался... после того, как натянул штаны. А вы как считаете?

Мы с Джулией расхохотались.

– Бедняга. Впрочем, так ему и надо, – смеясь, ответила я.

– Действительно. Большинство французов умеют хорошо прятать любовниц от жен, – мудро напомнила Фиделия.

– А лучше вообще их не заводить, особенно если у тебя есть отмеченная наградами коллекция вин. – Джулия подмигнула Фиделии.

– Ах, мужчины! – Торговка яйцами перевела взгляд на меня. – Иногда они не стоят тех проблем, которые из-за них возникают, *non*¹⁴, мадемуазель Табита?

Я лишь покачала головой и улыбнулась, не желая втягиваться в очередной разговор о потенциальных мужьях.

– В жизни Табиты уже сейчас присутствуют два самых эффектных господина, – улыбнулась Джулия. – Понятно, почему ее никто больше не интересуется, ведь разве кто-то *может* сравниться с Морисом Сен-Леже и этим лихим Рафом Фотрие?

– И правда, – подтвердила я. – Поэтому мне лучше вернуться домой и позаботиться о них, пока они не бросили меня ради другой женщины! Это бы разбило мне сердце.

Мы все посмеялись, после чего мы с Джулией сказали продавщице яиц *au revoir*¹⁵.

– Ты же хотела зайти ко мне и поискать свои перчатки, – напомнила Джулия, когда мы подошли к двери ее дома на Университетской улице, восемьдесят один и я собралась идти дальше.

– Да, у меня сейчас есть время, – кивнула я, хотя знала, что беглым осмотром дело не ограничится. Мы с Джулией посидим, поболтаем, возможно, выпьем чашку шоколада или кофе. А если Дор не ушла на работу, то она присоединится к нам и мы посудачим о вчерашней вечеринке.

Дедушка и дядя Раф не испытывали во мне острой необходимости и ждали моего возвращения не раньше чем через час, поэтому я спокойно последовала за Джулией в маленький холл ее дома.

И вдруг услышала чей-то истошный крик.

¹⁴ Не так ли? (фр.)

¹⁵ До встречи! (фр.)

Глава вторая

– Что за... – пробормотала Джулия и посмотрела на меня, словно чтобы убедиться, что я слышу то же самое.

Крик был приглушенным и доносился из-за неприметной двери в дальнем левом углу холла. Я бросилась к двери, сумка с продуктами тяжело билась о мое бедро. Я с опозданием вспомнила о яйцах и понадеялась, что они не разобьются.

У Джулии ноги были длиннее, поэтому она первой добежала до двери, а когда широко ее распахнула, на нее налетел какой-то человек.

Высоченная и крепко сложенная Джулия от удара почти не пошатнулась. Когда она схватила упавшую на нее женщину, я узнал в ней Матильду, горничную Чайлдов.

– Что стряслось? В чем дело? – взалхлеб спрашивали мы, а молодая женщина смотрела на нас вытаращенными глазами и попыталась отдышаться. Бедняжка с трудом подбирала слова. Наконец Джулия опустила на пол свою сумку, крепко взяла служанку за руки и посмотрела на нее сверху вниз.

– *Матильда*. Сделай глубокий вдох, закрой глаза, и...

– Там *труп*, мадам! – выпалила Матильда и всхлипнула.

Мой французский был превосходен, но даже я не была уверена, что правильно ее поняла.

– Труп? Какой труп?

Я представила себе мертвую змею, крысу, может быть, даже кошку...

– Тело *женщины*! Она *мертва*, мадам! – Слова посыпались из Матильды, словно про-
рвало огромную плотину. – Она лежит и не шевелится и вся в крови! Ее кто-то убил! О, кругом
столько *крови*! Это ужасно, это ужасно, ее так много!

– О, господи, – глядя на меня, выдохнула Джулия.

У меня закружилась голова. Мертвая женщина, *здесь*? Убита? Неужели это правда? Наверняка это какая-то ошибка...

– Где она? – поинтересовалась я. Может, Матильда слишком остро отреагировала, и женщина не умерла, а лишь тяжело ранена и нуждается в медицинской помощи. – Покажи нам... нет, сначала нужно позвонить в полицию. И вызвать врача.

– *Oui, oui*, – пролепетала Матильда, дико озираясь по сторонам, как будто ожидая, что тут волшебным образом появится либо телефон, либо полицейский.

В этот момент отворилась дверь одной из квартир на первом этаже.

– Что это значит? – осведомилась мадам Перье, хозяйка квартиры по улице Университетской, восемьдесят один. Эксцентричная – самое мягкое слово, которое я могла бы подобрать для ее описания. Мадам была одета как серое пугало, в длинное, струящееся платье с рванными краями, которое развевалось, когда она жестикулировала. – Что за шум? У нас *тихий* дом, мадам Чайлд, мадемуазель, – и *Матильда*! Вы лучше, чем кто-либо...

– Мадам Перье, пожалуйста, нужно срочно вызвать полицию, – попросила ее Джулия.

– С какой стати...

– По-видимому, в доме находится труп женщины... Где именно, Матильда? – обратилась к ней Джулия.

Глаза мадам Перье расширились, а Матильда бессвязно заговорила.

– Не могли бы вы вызвать полицейского, мадам? – прервала я ее. Не знаю почему, но я словно оцепенела. Хотя это и не так уж удивительно, учитывая ситуацию. *Мертвое тело*.

– Я пойду с Матильдой, чтобы убедиться, что женщине не нужен врач. Она... она... внизу, возле мусорных баков. – Джулия указала на узкую темную лестницу, которая, по-видимому, вела вниз. Ее голубые глаза были широко распахнуты, а на смену бьющей через край

энергии пришла сдержанность. Я не сомневалась, что выгляжу такой же потрясенной, как и она.

Мадам Перье поспешила в свою квартиру, чтобы позвонить, а мы с Джулией последовали за Матильдой вниз по темной узкой лестнице.

Потолок был до того низким, что Джулии пришлось пригнуться, зато я сумела быстро соскользнуть по ступенькам и спустилась первой.

Помещение было маленьким, темным и тесным и освещалось лишь одной тусклой лампой, висевшей над пятой ступенькой. Я оказалась на небольшой площадке, где, судя по всему, стояли мусорные баки и куда жильцы каждой из квартир, а скорее, их горничные по необходимости приносили мусор. Со второго этажа сюда спускалась лестница, и была еще одна дверь, которая вела на улицу: через нее забирали мусорные баки. У нас в доме имелось похожее помещение, хотя наша дверь для мусора была намного меньше, поскольку это был не многоквартирный дом, а дом для нас троих.

Первое, что я увидела – это ряд мусорных баков. Затем – чьи-то обутые ноги, повернутые как-то неестественно, и я поняла, что женщина вряд ли жива. Пальто и платье задрались почти до бедер. Но мое внимание привлекли темные пятна: намокший перед лифа, брызги на ногах и руках, лужицы крови на полу. Матильда не преувеличила: кровь была повсюду.

Здесь, под землей, пахло сыростью, затхлостью и мусором... но теперь здесь отчетливо ощущался запах крови и смерти.

Лужи крови, темные и мутные, очевидно, появились задолго до нашего прихода. Женщину оставили за мусорными баками, прислонив к темной кирпичной стене, в углу, где ее не так легко заметить. Ее лицо частично закрывала прядь темно-русых волос, а руки были раскинуты в стороны, как будто ее бросили, как мешок с мукой.

– Какой ужас, – пробормотала стоявшая позади меня Джулия. Тусклая лампа за ее спиной отбрасывала длинную широкую тень, скрывая в темноте то небольшое, что я могла разглядеть в жалкой фигуре.

Мне захотелось что-нибудь сделать, помочь бедной женщине принять более удобное положение или по крайней мере проявить уважение, прикрыть ее или поправить руки, чтобы ее поза не казалась такой неестественной. Но полиция предпочла бы, чтобы место преступления осталось нетронутым.

Так что мы с Джулией просто стояли, наше дыхание было хриплым и прерывистым. Сзади я слышала тихие всхлипывания и судорожные вздохи Матильды.

– Зачем кто-то так с ней поступил... просто *бросил* ее? – пробормотала Джулия.

– Не знаю, – пробурчала я. Других слов у меня не нашлось. – Кто мог такое сотворить?

Я прочитала множество детективных романов об убийствах, где было огромное число трупов, а ножи, пистолеты и яд встречались в повседневной жизни персонажей так же часто, как карандаши или кастрюли... Но столкнуться с подобным в реальной жизни было ужасно. Я ущипнула себя, чтобы убедиться, что мне не приснился кошмар.

Когда Джулия сдвинулась с места, ее тень переместилась, и я смогла лучше рассмотреть мертвую женщину. Я разглядела синий узор на задравшемся платье, узор на туфлях, и нахмурилась, глядя на то, как спадают на ее лицо спутанные светлые волосы.

У меня перехватило дыхание, и я невольно шагнула вперед. Теперь я видела ее еще четче. Мой желудок резко скрутило. *О, небеса.*

Мне стало нечем дышать. Не потому, что меня затошнило – по крайней мере я так не думала, а потому, что *я ее узнала.*

Мое внимание привлекли быстрые звуки приближающихся шагов. Матильда, которая до этого стояла как можно дальше, опустив плечи и закрыв лицо руками так, что на виду оставались одни широко распахнутые глаза, тихонько пискнула и встала прямо, словно вытянувшись по стойке смирно.

Мы обернулись и увидели, как с лестницы спускается серая фигура мадам Перье. За ней следовали еще двое человек, которых я не узнала, но они не были одеты в униформу и не несли медицинскую сумку.

Видимо, слухи уже разошлись.

Новоприбывшие уже достигли последней ступени, когда сверху донесся свист, от которого по кирпичной лестнице прокатилось резкое, оглушительное эхо.

– Отойди! – крикнул голос, и по ступеням загремели еще более тяжелые шаги.

Очевидно, прибыли полицейские.

– С дороги! – приказал полицейский и снова дунул в свисток. На этот раз он был совсем рядом, и все закрыли уши, защищаясь от пронзительного звука.

– Все *на выход!* – повторил полицейский и посветил фонариком в лица собравшихся. – Это место преступления, и вам следует уйти.

– Я... по-моему, я ее знаю, – пролепетала я. В ушах звенело от резкого свиста, эхом прокатившегося по маленькому помещению с каменными стенами, но в остальном я ощущала лишь пустоту и оцепенение.

– Что? – воскликнула Джулия, стоявшая прямо позади меня. – Ты ее знаешь?!

– По-моему, знаю, – повторила я, на этот раз громче, и второй полицейский обратил на меня внимание. – Ее зовут Тереза.

– Хорошо, мадемуазель, – сказал полицейский. – Подождите наверху, мы с вами поговорим.

Я на дрожащих ногах начала подниматься по ступеням. Я была рада выбраться из тесного пространства, уйти подальше от запаха крови... и от сцены насилия.

– Так ты ее знаешь? – громко и резко проговорила Джулия прямо над моим ухом.

– А ты разве нет? – спросила я через плечо.

Прежде чем она успела ответить, нам пришлось уступить дорогу еще одному мужчине. Он спускался по лестнице и был одет не в униформу, как полицейские; поскольку он выглядел солидно и *ему* никто не свистнул, я предположила, что он из *police judiciaire*¹⁶.

На нем была фетровая шляпа, а его длинное шерстяное пальто развевалось и хлопнуло подолом по моему, когда он торопливо прошел мимо, даже не взглянув на нас. Я была не настолько француженка, чтобы обидеться на отсутствие *bonjour*¹⁷ или *pardonnez-moi*¹⁸. К тому же, на мой взгляд, на время расследования убийства о светских приличиях можно и забыть.

В холле толпились люди, и я узнала среди них многих соседей. В вестибюле с высокими потолками был слышен гул, все говорили и охали одновременно. Матильда как «первооткрывательница», была в центре разговора и, ясное дело, притягивала к себе всеобщее внимание.

Джулия, казалось, знала всех. Она ко всем подходила, со всеми здоровалась, а я шагала за ней все еще в шоке от того, что знала жертву.

Хотя «*знала*» – не совсем подходящее слово. Это было минутное знакомство, и наше общение было недолгим. Тем не менее так ужасно видеть кого-то, кого ты едва знал, убитым и лежащим на земле.

– Я ее не узнала. Она не... не из наших соседей, не так ли? – осведомилась Джулия и подняла с пола свою сумку с продуктами. Две бутылки вина внутри звякнули. – Я ее никогда не видела.

– Нет, – подтвердила я. – Но она была здесь прошлой ночью.

¹⁶ Судебная полиция (фр.).

¹⁷ Здравствуйте (фр.).

¹⁸ Прошу прощения (фр.).

– Она *была*? Здесь? – Джулия в недоумении уставилась на меня. – Ты имеешь в виду здесь, на Рю-де-Лу?.. – Рю-де-Лу – так Джулия и Пол называли Университетскую улицу, на которой располагалась их квартира.

– Я имею в виду там, наверху, в твоей квартире, – пояснила я. – Она приходила прошлым вечером с друзьями Дор. Вот ужас!

– Дор будет вне себя, – пробормотала Джулия и сжала мою ладонь. Я вся *продрогла*, и не только из-за погоды. Промозглый воздух проникал даже под мое тяжелое пальто и шарф. – Это так ужасно.

– Но кто на такое способен? И вообще, что она делала там, внизу, возле мусорных баков? – Я стала растирать себе плечи, чтобы хоть немного согреться. – Я даже не знала, что здесь есть такой подвал.

– Туда *не за чем* спускаться, разве только чтобы вынести мусор. – Голос Джулии звучал так же тревожно и тонко, как и мой. – Даже я туда не спускаюсь, хотя живу в этом доме! И как она узнала об этом месте? О боги! Я вот думаю, может, стоит позвонить Полу и ему рассказать?

– Уверена, это может подождать, – возразила я, все еще пытаюсь согреться. – Да и что он сделает в таком случае?

– Не так много, но он работает в Службе расследований. Интересно, нужно ли им об этом знать; понимаешь, они всюду суют свой нос. Полиция, очевидно, захочет задать тебе много вопросов, – предположила Джулия, и в этот момент я заметила, как с лестницы сошел представительный мужчина в фетровой шляпе. – И Дор тоже.

Мужчина огляделся, и когда его взгляд упал на нас, у меня едва не остановилось сердце.

– Он идет сюда, – зачем-то произнесла я.

Этот детектив или следователь решительно направлялся к нам, и я вдруг занервничала. Полы его длинного пальто развивались, а перчатки он снял. В руках он держал блокнот и карандаш, что придавало ему еще более официальный вид.

– *Bonjour, mesdemoiselles*, – произнес он. – Я инспектор Мервель, и мне нужно задать вам несколько вопросов.

На вид Мервелью было около тридцати, что меня немного удивило. Не слишком ли он молодой для полицейского детектива? Либо он очень хорош в своем деле, либо выглядит моложе своих лет. Инспектор был ростом с Джулию, и его манера поведения выдавала в нем компетентного специалиста. Он был гладко выбрит, а из-под полей шляпы виднелись темные волосы.

– Да, конечно, – кивнула я, заметив, что один из полицейских вывел Матильду из толпы жадных слушателей. Ее тоже собирались допросить.

– Насколько я понимаю, одна из вас знала эту девушку, – напомнил он, записав наши имена и адреса.

– Я ее не *знала*. Я встретила ее прошлым вечером, – объяснила я. – Ее звали Тереза. Ее фамилии я не помню.

Мервель кивнул, но промолчал. Его серые глаза пристально смотрели на меня, но в них я видела лишь интерес, а не обвинение.

Хотя какие у него были причины меня обвинять?

Я тяжело сглотнула и вдруг почувствовав не холод, а жар. Почему я так нервничала? Ведь я не сделала ничего дурного.

– Вчера вечером Тереза пришла со своей подругой в квартиру Джулии, – продолжила я и рассказала о Дор, ее работе в Американском театре и о том, что некоторые актеры, съемочная группа и офисные работники часто собирались в квартире ее сестры после спектаклей.

– Значит, до вчерашнего вечера вы с этой мадемуазель Терезой не встречались, – подвел итог Мервель.

– Нет, – подтвердила я.

– И вы не знали, что она будет присутствовать на этой маленькой... ммм... вечеринке? У меня сложилось впечатление, что Мервель вечеринки не любит.

– Нет. Откуда я могла знать, если я не была с ней знакома? – удивилась я.

Вместо того чтобы согласиться с моей логикой, Мервель переключил внимание на Джулию:

– А вы, мадам?

– Нет, – ответила Джулия.

– Но эта женщина была у вас дома, – настаивал инспектор. – И вы с ней не встречались?

Я заметила: Джулия разволновалась, когда темные, пронизательные глаза инспектора остановились на ней, потому что она стала тут же путаться во французском языке:

– Она была в гостях у моей сестры. Я легла спать в полночь, потому что привыкла вставать очень рано на уроки в «Лё Кордон Блё», хотя в школе до января каникулы. Как бы то ни было, я легла спать рано и почти не видела гостей Дор... э-э, гостей моей сестры.

– И вас это не встревожило? То, что к вам в дом пришла незнакомая женщина? – осведомился инспектор.

– Нет, – пожала плечами Джулия. – Это в том числе и дом моей сестры.

Хотя детектив и сжимал в руках блокнот и карандаш, он туда еще ничего не записал, кроме наших имен.

С чем это связано? С тем, что я до сих пор не сказала ничего важного, или с тем, что он все запоминает, не записывая, или не хочет ни на мгновение отвлекаться от разговора?

– Понимаю. – Он снова посмотрел на меня своими холодными глазами. – Но вы были на вечеринке и встретили ее.

– Совсем недолго.

– Вы видели, во сколько она вышла из квартиры мадам Чайлд?

– Да. Это было сразу после двух часов.

Он кивнул.

– А вы не заметили, с кем она ушла?

Этого вопроса я опасалась больше всего, хотя у меня не было для этого причин.

– Мы ушли одновременно, – пролепетала я.

Брови Мервеля удивленно поднялись вверх.

– Только вы – вдвоем?

– Да. Мы вместе спускались на лифте.

– А когда вы спустились сюда, в холл, что произошло?

– Я ушла, – ответила я. – Я вышла на улицу и направилась к своему дому. И... и Тереза вышла на улицу, чтобы дожидаться такси. Когда я с ней попрощалась, она была жива, – добавила я. – Стояла за дверью и ждала такси.

– Она стояла у этого дома, на улице?

– Да.

– И никого рядом не было.

– Нет, инспектор. Я никого не видела.

– Даже на улице? В автомобиле, например?

– Я не заметила вокруг ни людей, ни машин. – Я продолжала отвечать на его вопросы. – Было очень поздно.

– А как насчет других гостей? Они еще были наверху или вы ушли последними?

– Наверху еще оставались люди. Больше никто не собирался уходить.

Мервель, казалось, хотел что-то добавить, но тут подошел один из полицейских и привлек его внимание. Полицейский держал что-то завернутое в полиэтиленовый пакет и, отведя инспектора в сторону, негромко с ним заговорил.

Мы с Джулией переглянулись. Казалось, она трезво оценивала эту жуткую ситуацию, но, судя по всему, ее не накрыло то странное предчувствие, от которого я не могла избавиться.

Когда Мервель обернулся, он держал завернутый в полиэтилен предмет, и я увидела, что это был нож. Темный от крови, он предположительно являлся орудием убийства. Я не могла оторвать от него взгляд.

Какой ужас. Как ужасно, что этим предметом человека лишили жизни.

Инспектор повертел сверток в руках, чтобы рассмотреть нож поближе, и я услышала, как у Джулии перехватило дыхание.

Мервель резко поднял на нее глаза.

– Да, мадам?

– О, ничего. – Она тихо засмеялась. – Просто... крови много.

– Но вы, мадам, как ученица «Лё Кордон Блё» наверняка привыкли к виду крови, – заметил сыщик, внимательно наблюдая за ней. – Иначе вы бы не стали великим поваром, *non*?

– Человеческая кровь – это вам не кровь из говядины, – возразила она.

Дурное предчувствие охватило меня. Мервель еще не раскрыл рот, а я уже знала, что он скажет.

– А может быть, вас расстраивает, мадам Чайлд, не кровь, а то, что вы узнали этот нож? – Инспектор пригвоздил ее холодным взглядом. – Это *ваш нож*, не так ли, мадам Чайлд? Это ваш нож, из вашей кухни был использован для убийства *pauvre*¹⁹ мадемуазель Терезы... сегодня рано утром.

¹⁹ Бедная (*фр.*).

Глава третья

– Никто в здравом уме не поверит, что Джулия в состоянии кого-то убить! – с дикой яростью выпалила я, гневно расхаживая по гостиной и возмущенно жестикулируя. Я даже не сняла пальто, зато стянула шарф и использовала его как знамя, размахивая в такт своим словам. – Это смешно!

– Ну-ну, *ma mie*²⁰, может, не стоит так бунтовать, – сказал дедушка, взглянув на стоявший у стены сервант. От моих шагов пол сотрясался так, что тонкие чеканные бокалы для аперитива и вина, соприкасаясь, звенели. Вероятно, его беспокоил и мой развевающийся шарф, поскольку на столах в гостиной стояло много хрупких предметов. – Давай ты сядешь и... выпьешь чего-нибудь для успокоения нервов. – Он указал на голубой парчовый диван в стиле Людовика XV. – Как насчет арманьяка?

– По-моему, такое безобразие требует виски, а не простого бренди, – возразил дядюшка Раф и встал, чтобы за всем проследить. При этом он сунул под мышку крошечную пушистую коричнево-белую собачку, сидевшую у него на коленях, и подошел к серванту. – И с каких это пор ты не позволяешь бунтовать, а, Морис? – Он искоса, ласково взглянул на моего деда и улыбнулся мне. – Помочь тебе снять пальто, *ma chère*?²¹

Мой дед небрежно и коротко махнул рукой в сторону Рафа, как бы отказываясь от его замечания, но я увидела, что его губы дернулись в улыбке.

Я не знала его точного возраста, но, по моим оценкам, дедушке было под семьдесят. Хотя его тело исхудало, у него сохранилась густая копна темных волос и идеальные зубы. Я не сомневалась, что это протезы. В одной покрытой возрастными пятнами руке он держал сигарету, в другой – бокал с коньяком. На его коленях сидела гладкошерстная черная кошка в широком ошейнике с настоящими бриллиантами.

– Прости меня, что не помог тебе раздеться, Табита, но мадам Икс будет очень обеспокоена, – и дедушка указал на кошку, которую назвали в честь знаменитой картины Сарджента – отсюда и украшенный драгоценностями ошейник.

– Нет-нет- нет... мы не хотим расстраивать мадам, а то она опять раздерет когтями ситцевый диван, – с цинизмом произнес Раф и подмигнул мне.

Я стянула с плеч пальто, бросила его на диван и наклонилась поцеловать дедушку в гладкую влажную щеку.

– Ты прав. Здесь хорошо и тепло, и пальто мне не нужно.

Когда я вернулась домой и ворвалась в гостиную, охваченная тревогой и праведным гневом, я обнаружила обоих мужчин в их привычных позах, сидящих возле большой батареи. И хотя в гостиной было тепло, их колени с сидящими на них питомцами были прикрыты пледами, а на узкие плечи дедушки была накинута серая шаль.

Раф был лысым, зато с густыми седыми бровями, и носил черную вязаную шапочку, натянутую до самых мочек ушей. Если мой дед был очень высоким для француза, то Раф был среднего роста. У него была оливковая кожа и аккуратно подстриженные борода и усы, которые, по его словам, согревали голову, поскольку на макушке волос не осталось. Он тоже затянулся сигаретой, но другого сорта, чем у дедушки. Это была тонкая темная сигарета с запахом, который показался мне особенно приятным, потому что в нем был намек на экзотические пряности, которые отсутствовали в американских сигаретах. Возможно, кориандр. Или анис? Я уже успела узнать кое-что о специях от Джулии, но до эксперта мне было еще далеко.

²⁰ Девочка моя (фр.).

²¹ Дорогая (фр.).

Мужчины дружат более сорока лет. Когда моя бабушка в тысяча девятьсот девятнадцатом году переехала в Америку с моей мамой, оказалось, что брак моей бабушки с Морисом Сен-Леже фактически распался.

У меня сложилось впечатление, что это было обоюдное и дружеское решение, поскольку бабушка и мама всегда с любовью отзывались о дедушке. У меня были письма, которые они писали друг другу на протяжении многих лет, с обеих сторон океана, и я не торопилась их читать.

С момента моего приезда я также узнала, что во время немецкой оккупации Парижа Дедушка и Раф были участниками Сопротивления, помогали ввозить и вывозить из города солдат Джеббурга и выполняли другие задания, чтобы поддержать соотечественников.

Раф, художник из семьи виноделов, помогал издавать подпольную газету, содержащую закодированные послания для участников Сопротивления, а мой богатый дед способствовал этому, используя свои связи через банк, в котором он был партнером. Меня восхищает то, что в таком возрасте они шли на огромный риск и совершали так много смелых поступков.

– Ну вот, держи, *petite*²², – и дядюшка Раф протянул мне маленький бокал в форме лампочки. Медно-коричневая жидкость заполняла лишь четверть. – Садись, и мы все обсудим.

– *Merci, oncle*²³. – Я поцеловала его в короткую седую бороду, а затем села на голубой диван и продолжила свои разглагольствования: – Это *неправильно*, что инспектор подозревает Джулию. Нож из ее кухни мог взять кто угодно!

– Верно, – согласился дедушка. Несмотря на хрупкое телосложение, его глаза по-прежнему были острыми, а зрение ясным. – И ты была там вчера вечером, *non*? Ты не видела, чтобы кто-нибудь заходил на кухню?

– Не видела, но я особо и не следила. – Я глотнула виски. Оно обожгло горло, но когда спустилось в желудок, я почувствовала, как тепло растекается по всему телу. Я была рада, что Раф не добавил содовой, как обычно делал для меня. – Кроме того, кухня находится наверху, над гостиной. Кто угодно мог туда подняться, и я сомневаюсь, что мы бы заметили. – Я нахмурилась и покачала головой. – Детектив так пристально смотрел на Джулию, будто был готов надеть на нее наручники и утащить в тюрьму. Дядя Раф, вы слышали о детективе? Об этом Мервеле? Он показался мне слишком молодым. Я уверена, что он понятия не имеет, что делает.

Глаза Рафа весело сверкнули.

– А зачем ты задаешь этот вопрос такому старику, как я? Я никого не знаю. Я сижу здесь, в этом прекрасном старом доме, ухаживаю за превосходным мистером Уайльдом, и за привередливой мадам Икс, когда мне позволяет Морис, а еще решаю головоломки и ем слишком много овощей для француза. – Он бросил на меня многозначительный взгляд, потому что зеленые салаты и тушеные овощи были одними из немногих блюд, которые я не могла испортить. – И это вся моя жизнь! Видишь? Сплошная скука и однообразие.

Я похлопала его по руке.

– Да, и ты никогда не видел тюрьму изнутри, не пробирался в германский офис, не приглашал в этот дом никого, у кого был бы спрятан нож или пистолет. Конечно нет. Ты невинен, как девственница в брачную ночь. – Я сделала еще глоток виски.

– А-ха-ха! – радостно воскликнул дедушка и погладил мадам Икс по ее изящной головке. – Вот женщина и раскусила твой трюк с невинностью! Я же говорил, что наша девочка умница!

– Не было надобности об этом говорить, – заметил Раф, снисходительно взглянув на дедушку. – В конце концов, она твоя внучка.

²² Малышка (*фр.*).

²³ Спасибо, дядя (*фр.*).

– Чертовски верно, – кивнул дедушка, и я могла поклясться, что его щеки порозовели.

– Что ж, возможно, я мог бы вспомнить кого-нибудь, кого можно расспросить об этом инспекторе Мервеле. – Раф лукаво ухмыльнулся. – Может быть, пара человек до сих пор помнят меня в доме номер тридцать шесть.

– Я абсолютно уверен, что их не пара человек, а гораздо больше, – сухо возразил дедушка.

– Тридцать шесть?

– Штаб-квартира *police judiciaire* уже много лет находится по адресу набережная Орфевр, тридцать шесть, и ее часто называют по адресу – дом номер тридцать шесть, – пояснил дедушка.

– Ах, понимаю. Как в Скотленд-Ярде, – догадалась я. Но не успела я спросить, почему кто-то в доме номер тридцать шесть должен помнить дядю Рафа, как в дверь постучали.

Поскольку вскоре после моего приезда в Париж их экономка-кухарка уехала ухаживать за больной матерью, дедушка и дядя Раф наняли двух горничных, сестер-близнецов по имени Бет и Блайт, которые приходили к нам каждое утро. Чаще всего они готовили для нас сытный обед и только для меня оставляли что-то на ужин. Но сейчас было уже далеко за полдень, и они ушли, а значит, кому-то из нас следовало открыть дверь. Я была рада, что находилась дома и могла сделать это вместо одного из старичков.

Дядюшка Раф попытался встать, но я оказалась шустрее.

– Нет-нет, я открою. Я все равно слишком взволнованна, чтобы сидеть на месте.

Гостиная находилась в одном лестничном пролете от вестибюля, а входная дверь располагалась, разумеется, на первом этаже. Это был один из моментов, к которым мне пришлось привыкнуть: дома мы называли первым этажом тот этаж, что идет первым от земли, но парижане называли первым тот, что располагался *над* ним.

Величественный трехэтажный дом, в котором проживали дедушка и дядя Раф, по любым меркам можно было бы считать особняком. Если бы кто-нибудь решил превратить его в апартаменты, как дом, где жила Джулия, здесь легко уместились бы три отдельные просторные квартиры. Это была одна из причин, по которой горничные приходили к нам каждый день, хотя дедушка и дядя Раф редко отваживались покидать пределы второго этажа, где располагались гостиная, большая ванная комната и спальни. Кухня и еще одна гостиная находились на первом этаже, а моя спальня и ванная комната – на верхнем, где когда-то жил целый штат прислуги.

В доме были высокие потолки, то есть каждый лестничный пролет состоял из двадцати ступенек, а также много высоких узких окон, в том числе ряд мансардных, которые делали мои комнаты на третьем этаже просторными и светлыми. Из одного окна я даже видела Эйфелеву башню, и мне нравилось, что это было последнее, на что я смотрела каждый вечер перед тем, как уснуть: ее изящные, словно бы сплетенные очертания купались в золотистом свете.

Небольшой балкончик на портике с плоской крышей застеклили несколько лет назад, чтобы создать восхитительную маленькую оранжерею, в которую можно было попасть из комнаты рядом с гостиной на втором этаже. Оранжерея выходила во внутренний двор, и именно там дедушка держал растения, за которыми я теперь помогала ему ухаживать.

Все еще держа в руках бокал с виски, я поспешила вниз по лестнице в вестибюль – и едва не выронила свой напиток.

У парадной двери стоял инспектор Мервель в темном тяжелом пальто и низко надвинутой на лоб шляпе. Но не слишком низко, и я поймала на себе его холодный взгляд, встретившийся с моим через окно.

Что он здесь делает?

Я засомневалась, стоит ли ему вообще открывать, но он меня уже увидел, и делать вид, будто дома никого нет, было бессмысленно.

– *Bonjour, monsieur le inspecteur*²⁴. – Я открыла дверь.

Порыва зимнего воздуха хватило, чтобы я поспешно вернулась в относительно тепло дома. Я неохотно придержала дверь, молча приглашая Мервеля войти.

– Мадемуазель Найт, – сказал он, снимая шляпу рукой в перчатке. Его густые темные волосы были идеально разделены на пробор и гладко причесаны. – Я считаю необходимым поговорить с вами еще раз.

– Необходимым? – пробормотала я, но он меня услышал.

– Да, именно так, мадемуазель. Расследование убийства включает в себя ряд неприятных моментов.

– Разумеется. – Я чувствовала себя наказанной – и поделом. В конце концов, не меня и не кого-то из моих близких бросили умирать за мусорными баками. – Да, прошу прощения. Конечно. Позвольте взять ваше пальто и шляпу?

Мервель оглядел вестибюль, и я вспомнила, как была потрясена, когда впервые переступила порог этого величественного дома с широкой лестницей, витиеватой лепниной и массивной люстрой, свисающей из центра гипсового медальона. Под круглым персидским ковром пол был выложен полированным мрамором, белым с прожилками красного, а черный мрамор создавал рамку, очерчивающую пол. И это был только вестибюль.

– Это ваш дом? – уточнил инспектор. Он протянул мне шляпу и перчатки, но остался в пальто.

– Я живу здесь с бабушкой и дядей, – ровно ответила я. По ряду причин я сразу же почувствовала себя защитницей двух пожилых людей наверху и решила, что мы с инспектором проведем наш столь «необходимый» разговор здесь, в комнате для отдыха экономки возле кухни.

Но не успела я заговорить, как сверху донесся шум – резкий отрывистый лай Оскара Уайльда, означавший, что он заметил незнакомца. Его миниатюрная фигурка, на этот раз облаченная в элегантный черный пиджак с жилетом и галстуком, появилась на верхней ступеньке лестницы. У него были большие уши в форме крыльев бабочки – из-за этих великолепных ушей породу и называли папильонами, и он наострил их, глядя на нас с большим интересом. Он был в основном белым, если не считать пары пятен коричневого и черного. Длинные пряди каштановой шерсти с черными кончиками, которые мой дядя расчесывал ежедневно, шелковистыми водопадами ниспадали на лапы. Оскар снова залаял, на этот раз резче и громче, и нетерпеливо завилял длинным пушистым хвостом.

Лай мистера Уайльда звучал не как предупреждение или предостережение. Это было больше похоже на ожидание, ведь появление нового человека означало, что можно рассчитывать на угощение, ласку, восхищение своей внешностью или на все это сразу.

Это не значит, что мадам Икс меньше интересовалась гостями. Просто она не так явно демонстрировала свой энтузиазм и предвкушение.

Сквозь перила я видела только кончик ее подергивающегося черного хвостика. Она тоже покинула уютные колени хозяина, чтобы заняться расследованием, но, как и положено, милостиво позволила возбужденному мистеру Уайльду идти впереди.

– Кто там, Табита? – Следующим наверху лестницы появился дядя Раф, и я осознала, что мои надежды сохранить визит инспектора в тайне были обречены с самого начала.

– Я инспектор Этьен Мервель из *police judiciaire*, – ответил посетитель, прежде чем я успела увести его в гостиную.

– Ах. Вы расследуете смерть на противоположной стороне улицы? – уточнил Раф таким же безразличным тоном, как если бы говорил о свисающих с карниза сосульках. – Что ж, тогда пройдемте в гостиную, *inspecteur*, там гораздо удобнее, и у нас есть виски.

²⁴ Здравствуйте, месье инспектор (*фр.*).

Мервель взглянул на меня, словно оценивая мою реакцию на это приглашение, но я ответила вежливой улыбкой и повела его вверх по лестнице.

Тем не менее, если бы я почувствовала хоть малейшую враждебность, снисходительность или отвращение со стороны детектива к моим любимым дедушкам, я бы немедленно выпроводила инспектора за дверь, и неважно, расследует он убийство или нет..

Как и следовало ожидать, всем понадобилось время, чтобы рассесться, и все это время я никак не могла подавить нервное щекотание в животе.

– Морис Сен-Леже? – повторил Мервель имя моего дедушки, удивленный и как будто даже потрясенный масштабом его личности. – Очень приятно с вами познакомиться, месье. – Он говорил искренне, но я заметила, насколько хрупкой и уязвимой выглядела ладонь деда в крепкой хватке инспектора, когда они обменивались рукопожатием. – А вы, месье?

– Рафаэль Фотрие. – Когда мой почтенный дядюшка назвал свое имя, я уловила в его голосе скрытый вызов – или, возможно, это была гордость.

Мервель ненадолго растерялся, но быстро овладел собой и пожал руку Рафу.

– Мне тоже очень приятно, – пробормотал инспектор.

Мадам Икс вернулась на свое место на коленях у дедушки. Она с презрением посмотрела на Оскара Уайльда, когда собачонка положила лапу на ногу Мервеля, с надеждой глядя на него и виляя пушистым хвостом.

– *Merci*²⁵, но нет, я вынужден отказаться, – ответил детектив. – Мне предстоит еще много часов работы, прежде чем я смогу себя побаловать.

– Отстань от человека, Оскар, звереныш, – сказал Раф, отвернувшись от столика и увидев, как его питомец танцует на задних лапах перед коленом инспектора.

Мадам Икс усмехнулась.

Я рассердилась.

Это был не светский прием, а мужчины вели себя так, как будто так оно и есть – по крайней мере мужчины постарше. Инспектор тем временем внимательно осматривал комнату с того места, которое он занял на диване рядом с моим помятым пальто. Мне это не нравилось. Мне не нравилось, что он озирается по сторонам и подмечает все детали.

– Тогда, может, горячего кофе, *inspecteur*? – спросил Раф.

– Было бы очень приятно, спасибо, – ответил Мервель, снял пальто и вместо того, чтобы бросить его на диван, как сделала я, повесил на вешалку у двери.

Я встала, чтобы приготовить горячий напиток – это заняло бы всего минуту, так как мы всегда держали в чайнике кипяток, и хотела, чтобы детектив последовал за мной. Мне было тревожно оставлять его наедине с моими дедушкой и дядюшкой.

Но, разумеется, он этого не сделал, и когда через несколько минут я вернулась с его кофе, то застала мужчин за непринужденной беседой.

Неужели они говорили о погоде? Или о плане Маршалла? Или даже о настойчивости Оскара Уайльда, который растянулся на полу и выглядел просто очаровательно. Он надеялся получить лакомство.

Нет. Они говорили обо *мне*.

– ...переехала к нам после смерти бабушки, – объяснял дед. – Моей жены. В апреле. Не так ли, Раф?

– Да, – язвительно подхватила я. – Я переехала сюда как раз перед Пасхой.

– Меня поразил ваш превосходный французский, – похвалил меня Мервель, забирая у меня кофе.

– Мама и бабушка меня научили, – хладнокровно объяснила я.

Почему бы нам не перейти к делу?!

²⁵ Спасибо (*фр.*).

– Но вы же родились в Америке, – продолжал детектив так же настойчиво, как и Оскар Уайлд.

Теперь пушистый песик катался по полу перед инспектором, игриво болтая четырьмя лапками и извиваясь из стороны в сторону на спине.

– Избавь бедное животное от страданий, Раф! – Дедушка хрипло рассмеялся.

– А по-моему, он очень забавный, – заметил Мервель. – Интересно, что он будет делать дальше?

– Инспектор, о чем вы хотели со мной поговорить? – вмешалась я, пытаюсь направить разговор в нужное русло.

Раф подхватил мистера Уайльда на руки и скормил маленькой собачке два печенья размером с ноготок, которые он хранил в банке рядом со своим креслом. Затем, вздохнув, он предложил одно угощение мадам Икс, которая понюхала его, как будто никогда прежде не видела ничего подобного – а она видела! – а затем сооблаговолила взять.

– Ах да, мадемуазель Найт, – произнес детектив и вытащил из внутреннего кармана блокнот и карандаш. – Я хотел обсудить некоторые сведения, которые вы предоставили мне ранее. – Он пролистал исписанные страницы: должно быть, он сделал заметки после разговора со мной и Джулией.

– Хорошо, я готова. – Мой желудок сжался, и я вспомнила, что оставила виски на кухне, когда варила кофе.

– Вы и мадемуазель Тереза Лоньон вместе вышли из квартиры Чайлдов в... во сколько, вы сказали? – Он заглянул в свой блокнот.

– В два часа, – ответила я, пытаюсь не обращать внимания на заинтересованные взгляды всех присутствующих.

– И никого поблизости не было, когда вы оставили ее у входной двери.

– Нет, инспектор. Я больше никого не видела.

– А как насчет других гостей вечеринки? Они оставались наверху, или вы ушли последней?

– Наверху оставалось несколько человек. Кажется, они не собирались расходиться.

Мервель покрутил в руке карандаш, но вместо того, чтобы писать что-либо в блокноте, засунул карандаш между двумя страницами и достал из кармана небольшой конверт.

– Итак, вы никогда не встречали мадемуазель Терезу Лоньон и никогда не слышали о ней до вчерашнего вечера. И разговаривали с ней, только когда вместе спускались в лифте. Верно, мадемуазель Найт?

– Да, я так и сказала. – Я наблюдала, как его ловкие пальцы извлекают содержимое конверта. – Я увидела ее впервые прошлой ночью, и мы почти не говорили.

– Тогда, мадемуазель, может быть, объясните мне, почему в кармане у Терезы Лоньон было это?

Я посмотрела на бумажку и почувствовала, как кровь отхлынула от моего лица. Это был канцелярский бланк с тисненым логотипом дедушкиного банка. Кто-то написал на нем мое имя и адрес.

Но самым шокирующим и необъяснимым было то, что это был мой почерк.

Глава четвертая

– Я не знаю, – пробормотала я, ненавидя себя за то, что заикаюсь, но еще больше ненавидя то, что Мервель загнал меня в тупик.

Я отчаянно желала хлебнуть виски, которое по-прежнему стояло на кухне.

Инспектор смотрел на меня. Его глаза цвета морской волны были холодными и бесстрастными. Мне казалось, что его взгляд пригвоздил меня к стулу.

– Вы не можете отрицать, что это довольно странно: в кармане мертвой женщины находился листок с вашим именем и адресом. На канцелярском бланке «Лё Банк Мэн-Сен-Лежер» – банка, носящего имя вашего дедушки.

– Это странно, я не отрицаю, – пролепетала я. Мое беспокойство немного улеглось, когда я поняла, что Мервель не знает, что это мой почерк. – Но я не представляю, зачем Тереза носила это в кармане. Как я уже сказала, я никогда ее не встречала и даже не слышала ее имени до прошлой ночи.

– Какое совпадение, что она ушла с вечеринки вместе с вами, – заметил инспектор, по-прежнему приковывая меня взглядом к стулу.

– Скорее неудача, чем совпадение, – возразила я. – Я не имею к ее убийству никакого отношения, инспектор, даже если у нее в кармане были мое имя и адрес.

– Вы не знаете, кто мог написать это или передать мадемуазель Лоньон? – поинтересовался Мервель.

Проклятие. Я попала впросак. У меня не было намерения лгать полиции, но и уличать себя дальше я не хотела.

– Позвольте мне, *monsieur le inspecteur*? – К счастью, дедушка спросил прежде, чем я успела ответить. Его тонкая, покрытая венами рука была твердой, когда он протянул ее за бумагой.

Не сводя с меня взгляда, Мервель передал ему лист:

– Почерк явно *не* французский.

Я сглотнула. Он был прав. Европейское чистописание – с его аккуратными засечками, орнаментальными завитками и скрещенными семерками – стилистически отличалось от того, чему нас учили в Америке.

– Да. Потому что это написала я.

Мервель кивнул, как будто другого ответа и не ожидал.

– И ты это кому-то отдала, – констатировал дедушка как раз в тот момент, когда инспектор собирался сделать очередное важное замечание. Или выдвинуть обвинение. Тем не менее Мервель почтительно молчал, пока мой дедушка говорил: – Табита, кому ты передала эту бумагу?

Я покачала головой:

– Не помню, дедушка. Мне жаль. Видите ли, – я посмотрела на Мервеля, – я занимаюсь репетиторством, преподаю французский язык нескольким американским семьям здесь, в Париже. Я пару раз записала свои данные для этих потенциальных клиентов, и я не знаю, кому предназначалась именно эта бумага.

Мервель кивнул, но я не понимала, поверил он мне или нет. Не то чтобы у него была какая-то причина мне *не верить*, но он казался таким... непреклонным. Таким подозрительным.

Я сжала руки на коленях и спрятала их в складках шерстяной юбки в надежде, что он не заметит. Оказаться на допросе у полицейского после того, как я увидела окровавленное тело убитой женщины было гораздо неприятнее, чем я себе представляла.

– Будьте добры, назовите фамилии семей, которым вы передали свои данные, – попросил Мервель.

– Видите ли, я записала свое имя и адрес на шести или семи разных бумагах и передала их Полу Чайлду, чтобы он отнес их в офис. Я уверена, вы в курсе, что он работает в посольстве в Службе безопасности США. Мы условились, что он передаст их тем, кому интересны мои услуги. У меня нет никакой возможности узнать, откуда взялась эта конкретная бумага или как она попала к Терезе.

Мервель выглядел неудовлетворенным.

– Понимаю. Но по крайней мере вы могли бы назвать имена тех, кого вы сейчас обучаете, или тех, кому вы предлагали свои услуги.

– Разумеется. – Меня охватил ужас при мысли о том, как почувствуют себя семьи, которых я обучала, когда их начнет допрашивать полицейский инспектор. Наверняка они не захотят заниматься французским с молодой особой, замешанной в расследовании убийства. Дядя Раф похлопал меня по руке, я вздохнула и немного успокоилась.

– Прости, *ma petite*. – Он сжал мои пальцы и посмотрел на Мервеля. – Вдруг существует какой-то другой способ решить этот вопрос, кроме как вовлечь в это дело клиентов Табиты, инспектор? Наверняка вы понимаете, что это ввергнет их в шок.

– Другого способа не существует, если только мадемуазель Найт каким-нибудь образом не идентифицирует эту бумагу, – ответил Мервель. – Или, по крайней мере, не объяснит, зачем мадемуазель Лоньон хранила ее у себя.

Я поморщилась:

– Дайте-ка я еще раз на нее взгляну.

Дедушка протянул мне бумагу. Когда инспектор Мервель впервые мне ее вручил, я на нее едва взглянула, настолько я была потрясена и обескуражена.

– Что это? – удивилась я. Я вертела лист в руках в надежде найти хоть какую-нибудь зацепку, чтобы понять, кто передал записку Терезе: пятно от вина или кофе, остатки лака для ногтей или губной помады... – Тут что-то написано на обороте. «Детройт». – Я посмотрела на инспектора Мервеля. – Вы не заметили эту надпись на оборотной стороне? – возмутилась я, даже не пытаясь скрыть раздражение.

– Естественно, заметил, – ответил он в той беззаботной французской манере, которая могла как привлекать, так и раздражать. В данном случае она раздражала. – Это ведь так, мадемуазель, *non*? Вы из Детройта?

Он произносил название города как «Де-труа», как сказал бы любой истинный француз вместо англоязычного «Дии-тройт», на котором говорили коренные жители Мичигана.

– Да... ну, я из маленького городка неподалеку. Бельвиль.

– Значит, мадемуазель Лоньон, вероятно, отметила для себя город вашего происхождения, – продолжал инспектор. – Или кто-то, кто рассматривал возможность брать у вас уроки.

– Да, – согласилась я.

– Было бы очень полезно составить список имен тех, кто проявил интерес к вашим услугам, мадемуазель, – решительно заявил Мервель.

– Тереза могла забрать этот листок прошлой ночью в квартире Чайлдов, – проговорила я в последней отчаянной попытке отговорить его от получения имен моих клиентов.

– Вы предполагаете, что эта бумага с написанными вами данными вчера вечером все еще находилась у месье Чайлда? Вы сказали, что он отнес все бумаги в свой офис для распространения, – напомнил Мервель.

Меня стало раздражать, что столько времени и внимания уделяется бумаге с моим именем и адресом; это казалось таким неуместным, когда убили женщину. По крайней мере, я точно знала, что не имела к этому убийству никакого отношения, как и Джулия, Пол и Дор.

Таким образом, главными подозреваемыми оставались те, кто вчера вечером находился в квартире Чайлдов. Мое сердце дрогнуло. Неужели я развлекалась в одной компании с убийцей? Или какой-то прохожий или другой житель дома подкараулил Терезу, пока она ждала такси, и заманил ее в подвал?

– Не могу сказать наверняка, инспектор. Но, *возможно*, эта бумага все еще находилась в квартире супругов Чайлд, потому что вчера вечером я написала еще несколько записок со своими данными, чтобы у Пола Чайлда был их запас для раздачи в посольстве. Полагаю, мне следует заказать визитные карточки. – Я пожала плечами.

Мервель мрачно посмотрел на меня, но кивнул:

– Понимаю. Но не могли бы вы назвать имена тех, кто получил ваши данные до прошлой ночи, мадемуазель Найт. В интересах тщательного расследования, как вы понимаете.

Ощущая на себе тяжесть всеобщего внимания, я неохотно встала, взяла бумагу и карандаш, нацарапала имена и передала список Мервелю:

– Вот. Я считаю, это все, с кем я говорила о своих уроках или кому преподавала. Я указала, кто является клиентом, а кто нет – по крайней мере на данный момент. Гм... Был один человек, который со мной связался, некая мадам Коулман. Хотя я с ней не говорила. Я ответила на ее звонок и оставила сообщение горничной, но мне так никто и не перезвонил. Поэтому в список я ее не внесла.

– Возможно, чтобы соблюсти точность и аккуратность, вам следует внести в список и эту мадам Коулман, – заметил Мервель. Я со вздохом забрала листок, дописала внизу имя Коулман и передала ему. – Спасибо, мадемуазель. Я буду максимально осторожен в общении с ними.

Он встал, собираясь уходить.

– Это все, что вы хотели у меня спросить? – осведомилась я.

– Я должен спросить вас о чем-то еще, мадемуазель?

Я чувствовала, как вспыхнули мои щеки.

– Нет-нет, конечно нет.

– Но если вспомните что-то важное, свяжитесь со мной, – сказал он, и его слова прозвучали скорее как приказ, нежели как просьба. Он положил на стол белоснежную визитку.

– Да, хорошо, – ответила я. Я понимала, что бесполезно даже надеяться, что он поступит так же.

Я проводила Мервеля вниз, в холл, и взяла его шляпу и перчатки. Когда я открыла дверь навстречу пронизывающему холоду, у меня на мгновение возникло сочувствие к детективу, которого от безжалостной погоды защищали только фетровая шляпа, перчатки и шерстяное пальто. Я представила себе, как он проведет остаток дня, слоняясь по пронизывающему холоду, входя и выходя из зданий, поднимаясь и спускаясь по улицам, пытаясь восстановить важные моменты жизни Терезы Лоньон.

Но он, выйдя из дома, казалось, ничуть не сожалел и даже не страдал от стужи.

– *Au revoir, mademoiselle*²⁶, – попрощался он и отважно зашагал по дорожке.

Я закрыла за ним дверь, радуясь, что он ушел, но тут зазвонил телефон. Этот звук – пронзительный, *дребезжащий* звук настолько отличался от звонка нашего телефона дома, в Мичигане, что до сих пор заставил меня врасплох, даже после шести месяцев жизни здесь. Не то чтобы нам часто звонили; возможно, именно поэтому я к нему так и не привыкла.

– Резиденция Сен-Леже, – представилась я.

– О, слава богу, ты здесь! – В трубке прогремел голос Джулии.

– Все в порядке? – Я внезапно испугалась, что Мервель вышел из нашего дома, перешел через улицу и арестовал – или просто допрашивал – Джулию, Пола или Дор.

²⁶ До встречи, мадемуазель (*фр.*).

– Да, да... ну, настолько хорошо, насколько возможно, учитывая, что в нашем подвале лежит мертвая женщина, заколотая моим несчастным поварским ножом, – ответила Джулия и болезненно усмехнулась. – Ну и дела! Бедная, бедная девочка. Мне до сих пор в это не верится! – Ее голос стал тише.

– Это ужасно, – дрожа, произнесла я.

– Но, Табита, я звоню потому, что ты забыла здесь мадам курочку вместе с прекрасной репой и всем остальным, что было в твоей сумке, – продолжала Джулия, едва переводя дыхание. Ее звонкий голос всегда был наполнен энергией и радостью, и она говорила вздохом, словно слегка запыхавшись, особенно когда болтала по-английски, как сейчас, и ей было легче подобрать слова.

– О, господи! Ну, конечно, я забыла! Я сейчас зайду.

Неудивительно, что из-за всего происходящего я забыла свою сумку, а еще меня взбесили подозрения Мервеля в отношении Джулии.

– Надеюсь, что зайдешь, – проговорила Джулия. – Иначе твои бедные дедушки останутся без ужина, а я выпью великолепное «Бордо-Медок», которое ты выбрала!

Мне пришлось поспешить наверх в гостиную сообщить, куда я направляюсь.

– Жареная курочка? – Глаза дедушки расширились от восторга. – А пюре из репы? Мадам Чайлд приготовит это для нас?

– Э...нет, приготовлю я сама, но под ее руководством, – поспешно добавила я, и выражение надежды на его лице угасло. – Я обещаю, что получится лучше, чем в прошлый раз.

– Конечно, так и будет, *та petite*, – сказал дядя Раф с некоторой настороженностью.

– Принести вам кофе перед уходом? Немного хлеба и сыра? Вы же знаете, как это бывает с Джулией: мы начнем разговаривать, вернее, она начнет, и пройдет битый час, прежде чем я от нее уйду.

– Ну, если ты пробудешь там так долго, то почему бы вам не пожарить курицу у мадам Чайлд? – жизнерадостно предложил дедушка. – Э-э... сэкономите время, так сказать.

– *Морис*, – оборвал его дядя Раф, улыбаясь. – Оставь бедную девушку в покое. Если курица не получится, у нас будут тосты с холодной ветчиной и вареными яйцами.

– Да, да, конечно, – согласился дедушка, наказанный должным образом. Мое сердце сжалось, и я была *полна решимости* добиться успеха с этой *madame poulet*²⁷, даже если мне придется уговорить Джулию поджарить ее для меня. – Тогда беги, *та petite* Табита, и передай нашу любовь – и благодарность – мадам Чайлд. И внимательно слушай все, что она рассказывает о цыпленке! А еще лучше записывай!

Я рассмеялась и наклонилась, чтобы поцеловать его в щеку.

– Я обещаю, что курочка получится восхитительная, дедушка.

Я подхватила с дивана пальто и подошла, чтобы поцеловать в щеку дядю Рафа. Потом похлопала Оскара Уайльда между ушками, и он быстро лизнул меня в знак признательности крошечным язычком, но мадам Икс несколько не заинтересовалась моим скорым уходом. Она сидела на подоконнике и разглядывала меня со свойственным ей кошачьим высокомерием, подергивая кончиком хвоста.

Хотя мне предстояло лишь перейти Университетскую улицу, я накинула на шею толстый шарф и натянула самую теплую шапку, какую смогла найти, – одну из шапок дяди Рафа, меховую и квадратной формы. Наверное, закутанная в тяжелое пальто, шапку и шарф, я выглядела как русская кукла.

Не в первый раз после приезда в Париж я скучала по легкости и удовольствию от ношения брюк, в которых ногам было бы теплее, чем в юбке до колен и шерстяных колготках.

²⁷ Мадам курицей (*фр.*).

К брюкам я привыкла, когда работала на заводе по производству бомбардировщиков. Мы, женщины, каждый день, прежде чем забраться на самолеты, крылья и в турбины, надевали комбинезоны. Я даже стала иногда носить брюки дома – к обоюдному ужасу мамы и бабушки. Но здесь, в Париже, женщине запрещалось носить брюки, не получив разрешения от полиции! Насколько я понимала, для женщины считалось приемлемым надевать брюки, если она ехала на велосипеде или скакала на лошади, но она не могла просто ходить в них по улице или отправиться в магазин.

Ожидая, пока замедлится поток машин и я смогу пересечь улицу, я подумала о том, что французы представляют собой странную смесь формальности и *bon homie*²⁸, ограниченности и эпатажа, грубости и обаяния. Но я обожала французов со всеми их причудами и полюбила их «город света».

Когда я вошла на первый этаж дома Джулии, мое внимание сразу привлекла дверь в подвал. В большом вестибюле было пусто, если не считать одинокого жандарма, стоявшего на страже у входа на место преступления. Вид у него был скучающий, но решительный, и как только он убедился, что я не собираюсь к нему подходить, он отвернулся.

Я вздрогнула, вспомнив о том, что видела внизу, в подвале, возле мусорных баков, и посмотрела на похожий на клетку лифт, который должен был доставить меня в квартиру Джулии на втором и третьем этажах. Заходя в лифт, я подумала, что стояла в нем прошлой ночью, когда мы с Терезой Лоньон спускались вместе.

Догадывалась ли она, что ее жизнь в опасности? Что она оборвется через несколько мгновений после того, как мы выйдем из лифта?

Конечно, если бы она боялась за свою безопасность, то бы подала знак... Она бы попросила меня подождать с ней или *что-нибудь* в этом роде. Разве нет?

Я попробовала вспомнить, говорили ли мы о чем-нибудь важном; было поздно, я устала и немного выпила, потому что в квартире Чайлдов вино и виски лились рекой, а коктейль помогал мне меньше стесняться незнакомых людей.

Тереза и я стояли бок о бок в клетке без крыши, лицом вперед. Я произнесла что-то вроде:

– Я так рада, что мне достаточно перейти улицу – и я дома. На улице так холодно и темно. Она ответила:

– Вам повезло. Так удобно, что вы живете прямо здесь. А мне понадобится такси.

По крайней мере, мне показалось, что именно это она сказала. Мне стало стыдно, что я не обратила внимания на слова женщины, которые стали для нее последними.

Хотя какая разница, как бедной женщине предстояло добираться домой. Однако я предположила, что наш короткий разговор означал, что она пришла на вечеринку одна или, по крайней мере, она не рассчитывала, что кто-нибудь из друзей Дор отвезет ее домой.

Интересно, важная ли это информация? Когда лифт остановился, я задумчиво прищурилась, пытаясь вспомнить, замечала ли я вообще Терезу Лоньон до того, как мы вместе вошли в лифт.

Когда двери открылись, она отступила назад, а я вышла первой; почему-то этот момент я запомнила. Но когда я начала отходить от лифта, она поспешила меня догнать. Она подошла ко мне вплотную, оглянулась...

Тогда я не придавала этому значения, но теперь задумалась: а не хотела ли она что-нибудь мне сказать, не пыталась ли понять, с какой стороны ко мне подойти... или просто боялась остаться одна после того, как я уйду.

Но я не остановилась, а она не произнесла ни слова и не сделала никакого жеста, пока мы шли к парадным дверям. Я помахала ей:

²⁸ Дружелюбие, добродушие (фр.).

– Спокойной ночи! Надеюсь, ваше такси скоро приедет, – и поспешила выйти в холодную ночь.

– Спасибо, – ответила она.

Я вдруг вспомнила, как она произнесла это *спасибо*. Это слово прозвучало... тоскливо.

А может, я это выдумала. Было поздно, я немного выпила, и, конечно, на мою память влияло осознание того, что Тереза была зверски убита всего через несколько минут после нашего расставания.

Двери лифта открылись на втором этаже, и это отвлекло меня от мрачных мыслей.

Я вышла из лифта в гостиную квартиры Джулии и Пола. Сейчас там никого не было, но прошлой ночью мы в восьмером заняли тут все свободные места: стулья, диван и даже подушки на полу. Комната была очень похожа на покои в доме бабушки: просторная, с высоким потолком и множеством больших окон, пропускавших не только свет, но и прохладу.

В комнате стоял газовый радиатор, который Джулия и Пол купили от отчаяния месяц или около того назад, вспомнив, какой ужасной была их первая зима в Париже. Только благодаря этому прибору в их квартире не было невыносимых сквозняков и холода. Джулия рассказывала, что в первую зиму они сидели у маленькой угольной печки и кутались в какую только можно одежду. Газовый радиатор значительно улучшил условия их жизни по сравнению с прошлой зимой.

В гостиной сохранились некоторые свидетельства вчерашнего разгула: откупоренная бутылка с виски, разбросанные диванные подушки, раскиданная стопка глянцевого журналов и две полные окурков пепельницы. На одном из столиков возле лифта лежали портсигар, маленькая сумочка и пара перчаток – моих! В комнате витали запахи застоявшегося сигаретного дыма, виски и духов.

Неудивительно, что у Матильды не хватило ни сил, ни желания производить уборку после того, что она обнаружила в подвале.

Минетт лежала, свернувшись калачиком в цветочном горшке, как она часто делала по какой-то непонятной кошачьей причине, и когда я позвала Джулию, посмотрела на меня с легким интересом. Было почти четыре часа, я знала, что Дор на работе, поэтому и не боялась ее побеспокоить.

Джулия не ответила, зато наверху я услышала шум и догадалась, что она на кухне. Неудивительно. Пол шутил, что если ему хочется увидеть свою жену, ему придется заседать на кухне.

Я поднялась по лестнице и увидела, что моя подруга энергично, грациозно и громко вышагивает туда-сюда.

– Ох, вот и ты, Табита, – сказала она, помешивая что-то в двух кастрюлях на плите, в то время как третья стояла на конфорке. Из-за своего роста ей приходилось сгибаться под неудобным углом над низкими газовыми конфорками, но это, казалось, ее не стесняло. Поверх юбки и блузки на ней был надет джинсовый фартук, а за пояс заткнуто кухонное полотенце. – Нашла свои перчатки на столике в гостиной? И сумочка на столе тоже твоя?

– Да, перчатки я забрала. Нет, сумочка не моя. Чем это так вкусно пахнет? – Я оценивающе принялась и ощутила укол сожаления о том, что мне не удавалось создавать такие удивительные ароматы – не говоря уже о вкусах – на моей собственной кухне для моей семьи.

*Cuisine*²⁹ Джулии представляла собой небольшое помещение с окнами во всю стену, которые освещали унылое пространство, но также пропускали холодный воздух. К счастью, когда работали духовка и плита, как сейчас, здесь было комфортно и тепло. Я сразу же заняла место за столом, потому что пока моя подруга металась от плиты к столешнице из мыльного камня, к раковине и обратно, стоять там было негде. Плиту она купила сама, вскоре после переезда

²⁹ Кухня (фр.).

сюда, на Рю-де-Лу, и я знала, что горячая вода на кухне есть лишь потому, что Джулия с самого начала установила собственную систему: ванну с водой над газовым гейзером. Пойдет ли вода в раковину, зависело от погоды: если было холодно, трубы, идущие по зданию снаружи, замерзали, и когда она открывала кран, из него ничего не текло.

На крючках под длинными полками висели многочисленные кастрюли и сковородки, а на верхних полках стояло еще больше кастрюль, сковородок, мерных приборов и банок. Две длинные столешницы, которые тянулись рядом с плитой, также были заставлены банками, посудой и приспособлениями, большинство из которых я не могла идентифицировать, а также такими хитроумными приборами, как мясорубка, ступки, пестики и многое другое. Пол называл свою жену Галкой Жюли за ее одержимость кухонными принадлежностями и склонности приобретать все блестящие новинки.

Я наблюдала, как одна из ложек перестала помешивать, дверца духовки открылась, Джулия наклонилась, сунула внутрь руку с третьей ложкой, которую она где-то раздобыла, затем выпрямилась, с грохотом захлопнула дверцу и вернулась к помешиванию дуэта кастрюль на плите. Она двигалась плавно, как балерина, но до того быстро, что я едва улавливала некоторые движения.

Такой была Джулия Чайлд на кухне.

– Чесночный суп, креветки и гребешки с тушеным рисом – в Италии это называется *ризотто*, но это то же самое, что *плов*, и зависит только от того, что в него добавишь, сливки или сыр, и *jambon braisé*³⁰ *Morvandelle*. Это ветчина, обжаренная в вине на закрытой сковороде со сливочно-грибным соусом. Я возьму немного тимьяна и петрушки твоего дедушки. Это будет *божественно*.

– Боже правый, неужели ты собираешься съесть все это сегодня вечером? – воскликнула я.

Джулия залиvistо рассмеялась.

– Нет, *jambon*³¹ я приберегу на завтра – он еще вкуснее, если его разогреть. Я должна была *что-то* приготовить. – Она подлила в кастрюлю с рисом какую-то жидкость и помешала. Я даже не заметила, как ее рука переместилась к половнику.

– Я думала, ты будешь готовить майонез, – с усмешкой произнесла я. – Миску за миской! Она взглянула на меня и хохотнула.

– Завтра! Завтра начнутся эксперименты. А сегодня, чтобы отвлечься, мне пришлось заняться чем-то бездумным, над чем не нужно ломать голову.

Приготовление восхитительной запеченной ветчины, тушеного риса с морепродуктами и супа было *бездумным*? Святые небеса, сколько же мне еще предстояло научиться!

– Мне было необходимо отвлечься. Ты хоть представляешь, Табита? Кто-то убил женщину в этом доме – моим ножом! Это значит, что они были у меня на кухне! На *этой* кухне!

Она повернулась и посмотрела на меня. Ее голубые глаза расширились от ужаса, а на щеках появились два ярко-красных пятна, пока она продолжала помешивать, приправлять и пробовать рис и суп, стоявшие на плите вместе с третьей кастрюлей, в которой кипел бульон. Окорок запекался в духовке, но каждые несколько минут она открывала дверцу, снимала крышку с формы для запекания и смазывала мясо подливой.

От невероятно насыщенных ароматов чеснока, лука и бог знает чего еще у меня потекли слюнки. До этого мне казалось, что на какое-то время я потеряла аппетит, но в ту минуту, когда я вошла на кухню Джулии, все изменилось.

– В это невозможно поверить! Я пока просто в ужасе и не знаю, что и думать обо всем этом. Но я не стану тебя задерживать. – Я оглянулась в поисках своей сумки. Я предположила,

³⁰ Свиной жареный окорок (*фр.*).

³¹ Ветчина, окорок (*фр.*).

что поскольку Джулия знала, что я забыла ее здесь, она принесла ее сюда. – Я вижу, ты занята, а мне пора ставить курицу в духовку. Дедушка и дядя Раф очень оживились, узнав о перспективе поесть на ужин жареного цыпленка.

– И пюре из репы. Не забудь про пюре из репы, Табс! – Джулия, крутась, вертась, за что-то дергая, гремела тарелками, столовыми приборами и кастрюлями. – Я подпалила для тебя оставшиеся перья у мадам Пуле. – Она кивнула на завернутый в бумагу сверток на столешнице.

– Спасибо! – Я догадалась, что в свертке моя курица, очевидно, теперь окончательно ошипанная. – По крайней мере, сегодня я не ошибусь.

– О, не уходи пока, – спохватилась Джулия и поставила на стол передо мной чашку горячего шоколада – угощение, от которого, как она знала, я не в силах отказаться. Если французский кофе был потрясающим, то французский горячий шоколад – это вообще нечто божественное.

– Мы *обязаны* об этом поговорить, Табс! Как могло совершиться убийство в моем доме, моим собственным ножом? Мы *не можем* это игнорировать!

– Это невозможно игнорировать, – согласилась я и макнула ложку в горячий шоколад, чтобы попробовать. – Особенно когда детектив-инспектор считает, что ты или я имеем к этому отношение. В первую очередь подозрение падает на меня, – уныло добавила я.

– *На тебя?* – Джулия схватила с крючка на стене маленькую сковородку. Сковородка звякнула, когда она поставила ее на плиту, а потом Джулия потянулась за висевшим на стене венчиком и за горшочком с маслом на столешнице. – С чего бы ему думать, что ты имеешь к этому какое-то отношение? В конце концов, это мой нож! – Она нервно рассмеялась. – Хорошо еще, что он меня не арестовал!

– Я спускалась в лифте вместе с Терезой Лоньон. И у нее в кармане один из листков, которые я написала для Пола, – с моим адресом и номером телефона. Судя по всему, это делает меня главной подозреваемой. – Горячий шоколад был превосходным, и на этот раз я позволила себе сделать большой глоток. Я едва не застонала от восторга. День выдался ужасный, и я оценила это простое удовольствие.

– Это смешно, – сказала Джулия, подчеркивая свои слова взмахом сковородки. – Ты и мухи не обидишь. Мало того, ты такая тщедушная! Ума не приложу, как ты смогла бы заколоть женщину, даже если бы у тебя была на то причина. А у тебя этого не было – мотива, я имею в виду.

Такой уж крошечной и тщедушной я не была, по крайней мере по сравнению с моей бабушкой метр пятьдесят ростом и весом всего около сорока пяти килограммов. Однако Джулия была права. Разве для того, чтобы расправиться с Терезой Лоньон подобным образом, убийца не должен был обладать недюжинной силой?

– Ты права. Это наверняка мужчина. – Я уловила аромат тающего сливочного масла, и у меня потекли слюнки. А я вообще ела что-нибудь после утреннего кофе с круассаном?

– Или такая великанша, как я, или Дор, – заметила Джулия.

– Не говори так, – предостерегла ее я. – Не стоит подкидывать инспектору Мервелю лишние идеи.

– Но его же нет рядом, не так ли? Кроме того, у него есть глаза – я уверена, он заметил, как я над ним нависала.

– Джулия, давай серьезно.

– Я *серьезно*. Я смотрю на ситуацию практически и серьезно – а что мне еще остается? Кто-то воспользовался моим ножом, и он – между прочим, я твердо уверена, что это был мужчина, – каким-то образом взял его отсюда прошлой ночью. – Продолжая помешивать рис, она одной рукой разбила в маленькую миску два яйца, затем добавила щепотку соли, что-то зеленое, что нарезала незаметно для меня, и перестала все это перемешивать, чтобы добавить в яйца несколько щепоток перца.

– О, и еще я поговорила с Полом по телефону, – продолжила она, выливая в рис еще один ковш бульона из третьей кастрюли. – Он позвонил из офиса и спросил, хочу ли я, чтобы он вернулся домой. Я ответила, что он все равно никак не поможет, но что сегодня вечером он вполне может рассчитывать на разговор с инспектором и великолепный ужин. Я очень надеюсь, что инспектор в посольстве устоит перед искушением загнать Пола в угол.

Я вздрогнула. Будет совсем некстати, если Пола навестят в его офисе по поводу убийства, совершенного кухонным ножом его жены. Но Джулию это, похоже, не слишком беспокоило.

– Хорошо, – пробурчала я, уткнувшись в свой шоколад, пока Джулия продолжала сноваť по кухне. Теперь она взбивала яйца – для этого ей понадобилось две руки – и внимательно разглядывала рис. – Давай попробуем разобраться, – продолжала я. – Мы умные женщины. Это кто-то, кто имел доступ к вашей кухне, чтобы взять орудие убийства. Когда ты в последний раз видел этот нож?

– Вчера после того, как вернулась домой с рынка, – не раздумывая ответила Джулия. – Это мой любимый поварской нож, и я использовала его, чтобы нарезать зеленый лук и кервель для омлета, который я приготовила на обед для Пола (кстати, тот, который я делаю для тебя, будет скоро готов). Затем я вымыла нож и положила у раковины сушиться. Когда я готовила ужин, то использовала другой нож, потому что того не было на его обычном месте, и я взяла нож среднего размера. Я рассказала это Мервелью, но кто знает, поверил ли он мне. У него такие глазищи, ты заметила?

– Да, – с чувством промолвила я. – Они как кинжалы. Страшные, злые кинжалы.

Джулия от души рассмеялась.

– Я имела в виду цвет. Ты обратила внимание? Они темно-серые, но с оттенком темно-синего.

– О, да. Темно-серые, как разъяренный океан, – сухо произнесла я. – Подходящее сравнение. Ты сказала, что приготовишь мне омлет?

– Ты выглядишь голодной, – заметила она, вылила взбитые яйца в маленькую сковородку и одарила меня широкой улыбкой. Не прошло и нескольких секунд, как она начала резко двигать сковороду с омлетом над конфоркой, одновременно взяв ложку, чтобы размешать рис.

Я наблюдала за ней с изумлением и предвкушением. Омлеты Джулии, приготовленные менее чем за минуту при перемещении сковороды способом, который я пока не освоила, получались вкуснейшими. От такого лакомства я отказываться не собиралась.

– У кого была возможность прийти сюда прошлой ночью и взять нож? – задумалась я. – Это должен был быть кто-то из гостей Дор, тебе не кажется? Никто другой не мог его взять.

– Никто. Точно никто. – Джулия пристально смотрела на сковородку, продолжая держать ее над конфоркой и время от времени помешивать рис другой рукой.

– Подожди... ты сказала, что взяла другой нож, потому что твоего на месте не было. Но когда ты в последний раз *видела* нож? Ты вымыла его и оставила у раковины, и?...

Впервые с тех пор, как я пришла на кухню, Джулия остановилась, повернулась и взглянула на меня.

– Черт... я не помню. Я вымыла его, отложила в сторону и не знаю, видела ли я его снова, по крайней мере до тех пор, пока *monsieur le inspecteur*, – она произнесла французскую фразу с преувеличенным придыханием, – не показал мне его испачканный кровью. – Она нахмурилась и нервно захихикала. – Этот нож и прежде знавал кровь, но уж точно не человеческую.

Я сдержала смех. Поверьте, юмор у Джулии был грубоват.

– Я хочу знать, как инспектор Мервель узнал, что это *твой* нож. А ты как узнала, Джулия?

– Матильда, я полагаю. Скорее всего, она его узнала или, по крайней мере, подумала, что это мой нож. Не у всех есть великолепный поварской нож из углеродистой стали от *Dehillerin*. – Она отвернулась от плиты, сняла со сковороды и положила на маленькую тарелку пышный омлет и поставила его передо мной. Я встала, чтобы не утруждать Джулию и самой взять вилку,

и заметила, что ручка ящика расшатана. Я бы воспользовалась моментом, чтобы ее затянуть, но не хотела мешать Джулии: на кухне она была настоящим торнадо.

– Верно. Логично, что Матильда узнала твой нож. Значит... его могли взять в любое время после обеда, – задумчиво произнесла я, садясь обратно за стол.

– Я не понимаю, как это могло произойти. Кто-то должен был прийти сюда и украсть его – но зачем? Приходить с улицы и искать оружие убийства? Мы на третьем этаже. Нет! – Подав мне мой омлет, она снова вернулась к своему кухонному танцу. – Я уверена, что это кто-то, кто был здесь прошлой ночью. Один из так называемых друзей Дор. Ты можешь в это поверить? Моя *сестра* дружит с *убийцей*!

Глава пятая

– Да, это кто-то, кто был здесь прошлой ночью и имел возможность взять нож, – согласилась я, поддевая вилкой первый кусочек омлета, очень приятный на вкус, с солью, маслом и пряными травами... – Но это указывает нам на один важный факт.

– И что это за факт, мисс Шерлок?

– Убийство не было преднамеренным. Убийца пришел без оружия.

Джулия ковырялась в духовке с ложкой в одной руке и вилкой в другой. Она со стуком закрыла дверцу и посмотрела на меня, ее щеки покраснелись от жара.

– Отличное замечание, Табс. Значит, прошлой ночью здесь произошло что-то такое, что заставило кого-то захотеть убить Терезу Лоньон.

– Скорее всего.

– Если честно, я ни с кем из гостей Дор не разговаривала, – призналась Джулия. – Я лишь мельком увидела некоторых из них, потому что Пол хотел, чтобы я поскорее нырнула в постель. – Она хитро улыбнулась. – Но ты наверняка с ними общалась. Расскажи мне все подробно, и вдруг мы изобличим убийцу прямо здесь, в *La Maison Scheeld*, – радостно произнесла она, используя прозвище, которое ее муж дал этой кухне. Она швырнула комок теста на стол рядом со мной. – Начни с того очаровательного Марка Джастиса, с которым тебя пытается свести Дор.

К счастью, у меня был полный рот сочного, приправленного травами омлета, так что мне не пришлось отвечать сразу.

– Ты считаешь его очаровательным? – произнесла я, как только проглотила очередной кусок.

– О, да! Эти светлые волосы, тонкие запястья и длинные пальцы! Какое сочетание! Жаль, что Дор не хочет встречаться с ним сама.

– Кажется, ей нравится Иван, – заметила я, имея в виду одного из актеров Американского театра. Иван Кузинс был веселым, интересным и почти на целую голову ниже Дор.

– Хм. Иван. Что ж, будем надеяться, что он не убийца, иначе сердце Дор будет разбито. Кстати, – Джулия сняла наконец с плиты кастрюлю с тушеным рисом, – тебе Марк не казался симпатичным? Или, по крайней мере, достаточно интересным, чтобы сходить с ним куда-нибудь? Чёрт возьми, я надеюсь, что *он* не убийца. – Она накрыла рис и повернулась к маленькой миске с сырыми гребешками, креветками и кусочками моллюсков. Они отправились в кастрюлю с растопленным маслом и зеленью – шнитт-луком, петрушкой и укропом.

Я положила в рот еще кусочек омлета и попробовала вспомнить, как я вчера общалась с Марком Джастисом:

– Он был довольно мил. Такой соседский мальчишка. И ты права насчет его рук – они красивые, а пальцы у него длинные, почти как у хирурга. Но не важно, понравился мне Марк или нет; важно то, у кого мог быть мотив и возможность убить Терезу. И украсть твой нож.

– И у кого же? – Джулия задумалась. – Мы должны это выяснить. Я не успела допросить Дор до ее ухода на работу, она так разволновалась после разговора с инспектором. И я ее вовсе не виню! Допрос – это не весело.

– Я в самом деле не знаю, у кого была возможность прокрасться сюда и взять твой нож. Хорошо, дай подумать. – Она бросила на меня недовольный взгляд. – Когда я уходила вчера ночью, нас там было восемь человек: я, Дор, Иван, Тереза, Марк и еще трое мужчин. Гм... – Я с трудом вспоминала их имена, ведь я познакомилась с ними только прошлой ночью. – Джонни... У него борода и усы, по-моему, он работает за кулисами, занимается ремонтом декораций и тому подобное. Может быть, он даже режиссер сцены. И там был Нил, один из главных актеров, и... хм... о, да, Тед. Я не знаю, что он делает в театре. Что-то со светом?

– Я знаю Нила Кингсли. Он высокий, темноволосый и симпатичный – и я думаю, что он гей, поэтому Дор вас и не знакомила. По-моему, у него главная роль в спектакле «Десять негритят». Или, по крайней мере, он один из последних, кто умер, и самый интригующий мужской персонаж. Романтический герой... такие вообще бывают в детективных пьесах об убийстве?

– Итак... Тед – он такой тонкий, верно? Чем-то напоминает мне хороший крекер.

Я рассмеялась. Я точно знала, о ком она говорит. У Теда Уайтинга были светлые волосы, сухие и ломкие на вид, и он был до того худощавым и долговязым, что казалось, что он сломается, если наклонится.

– Крекер! Отличное описание Теда. И да, Нил красавчик.

– Джонни я не знаю. – Джулия энергично раскатывала тесто для пирожков – я понятия не имела, для чего оно нужно, – и остановилась, чтобы перемешать морепродукты на сковороде. Запах был просто божественный. – Так что случилось?

– Все в порядке. – Я положила в рот последний кусочек омлета и вернулась к воспоминаниям о прошлой ночи в гостиной. – Мы сидели и разговаривали. Все сидели на диване, стульях или на подушках на полу. Мы с Марком стояли у окна и болтали, потом кто-то попросил прикурить, и он отошел, после чего нас прервали Дор и Иван.

– Что Тереза делала вечером? Она с кем-нибудь говорила? Наверняка! Дор мне сказала, что она работает в театре, в гардеробной или что-то в этом роде.

– Она почти все время просидела в зеленом парчовом кресле в углу. Я ее не видела, потому что Джонни и Тед сидели за барной стойкой и перекрывали мне обзор.

– Похоже на то, – кивнула Джулия. – Пола раздражает количество вина и виски, которое поглощают эти парни, когда приходят сюда. Он хотел вчера выйти и разогнать их всех по домам в полночь, когда они только пришли. Я его остановила, но пообещала поговорить об этом с Дор. Сейчас я чертовски жалею, что он их не разогнал – тогда, возможно, Тереза Лоньон была бы жива.

Она перевернула тесто и продолжила с остервенением его раскатывать, а потом резко остановилась и посмотрела на творение рук своих.

– Я совершаю здесь свое собственное убийство, – пробормотала она. – Придется снова охладить, а то будет как резина. – Она собрала тесто в комочек и завернула в полотенце. Все это отправилось в ящик для продуктов, который был выставлен в окно и подвешен над двором, так как холодильника на кухне не было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.